

Закат цвета индиго

Автор:

Евгения Михайлова

Закат цвета индиго

Евгения Михайлова

Детектив-событие Частный детектив Сергей Кольцов

Эти дети одарены необычайными врожденными способностями. Кто-то из них говорит на 120 языках, кто-то, будучи тинейджером, возглавляет отдел в солидной корпорации, кто-то просто чувствует других людей, как себя. Судьба их складывается по-разному, а таланты не всегда служат добру...

Кровь и страх жертв сводит ее с ума, доставляя особое наслаждение. Она ловко ускользает от погони, всегда появляется там, где ее не ждут. Ее называют гением смерти...

Бывшая журналистка Дина Петрова, богатая наследница американского бизнесмена, любит помогать людям. Но что делать, когда в помощи нуждается человек, чье место в тюрьме?..

Бывает, что правда и ложь, добро и зло сплетаются в гордиев узел, распутать который невозможно. Остается только безжалостно разрубить...

Евгения Михайлова

Закат цвета индиго

© Михайлова Е., 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Стройная девушка с короткой стрижкой и в пушистом песцовом полушубке вышла из подъезда девятиэтажного панельного дома и демонстративно встала в позу модели посреди двора. Так и есть. Все уставились на нее. Бабки на скамейке, мамы у песочницы. Девушка довольно улыбнулась, сунула в рот жвачку и ответила на неодобрительные взоры прямым, наглым взглядом небольших темно-серых глаз.

– Даша, давай быстрее, – окликнул ее крупный мужчина, открывая дверцу синей «Ауди».

– Иду, Вадик, – томно ответила девушка и не спеша направилась к машине походкой «от бедра».

– Вадик, – она удобно устроилась на сиденье, – ты видел? Как эти клюшки на меня выпучились? Точно жене твоей расскажут.

– Она не станет их слушать, – коротко ответил Вадим.

В ночной клуб Даша и Вадим приехали уже после ресторана, где оба слишком много выпили. Он заказал по коктейлю и покрасневшими глазами уставился на помост: там крутилась у шеста худая стриптизерша, готовая эффектно избавиться от трусов.

- Она клевая, а? - Даша толкнула локтем своего сопевшего спутника. Вместо ответа он перевел мутные глаза на нее и сунул руку ей под юбку. Ее лицо осталось непроницаемым. Она продолжала смотреть на помост, отпивая коктейль из бокала.

- Ух, - застонал он. - Ты без ничего?

Даша поставила на стол бокал и захлопала ресницами с видом полной идиотки.

- Иди ты! Точно! Забыла! У тебя в ванной трусы забыла. Или на постели.

Он убрал руку и стал багроветь.

- Ну, надо же, - сокрушалась Даша. - А когда жена твоя придет? Хотя че тут думать. Пришла уже, конечно. Да ты че? Расстроился?

Вадим стал медленно сжимать лежащую на столе руку в кулак. Затем что-то промычал. Даша посмотрела ему в лицо с удовольствием. Потом похлопала по плечу.

- Да ладно тебе. Не бзди. Пошутила я. Шутка юмора. Я эти трусы сроду терпеть не могу. Не греют ни фига, только натирают.

Лицо Вадима стало принимать нормальный оттенок.

- Ну ты даешь! Дура. Ох, прямо от сердца отлегло. Может, шампанского закажем?

- Давай. Слушай, а ты ничего не забыл?

- Чего?

– Ты меня позавчера на ночь снимал, так? За двести баксов. Потом к тебе поехали. Целый, можно сказать, день. Вечер. Еще ночь у меня. Еще день у тебя.

– Кончай. Ты прямо бухгалтер какой-то. Я тебя не обижу. Просто не хочу пока отпускать. Понравилась ты мне, понятно? А бабки – вот они. – Он достал из кармана бумажник, продемонстрировал ей весомое содержимое. – Расслабься. Отсюда опять к тебе поедем, ладно? Там отслюнявишь сколько надо. И еще немного. За хорошее поведение. А сейчас иди ко мне.

Он прижал ее к себе, умудряясь сразу хватать за все места, крепко поцеловал в губы, спустился по шее мокрыми губами. Даша, смеясь, освободилась.

– Подожди. Мне в сортир надо. Заказывай шампанское.

Она вошла в женский туалет, открыла кран с холодной водой и долго смывала отвращение со своего лица.

* * *

Они приехали ночью в обшарпанный дом на Щелковском шоссе. Свет в подъезде не горел. Чертыхаясь и смеясь, поднялись на площадку первого этажа. Даша на ощупь открыла хлипкую дверь. Зажгла свет в прихожей. Вид на редкость убогого жилища их отрезвил.

– Как можно жить в таком крысятнике? – брезгливо огляделся Вадим.

– Подумаешь, я ж снимаю, – пожала плечами Даша. – Найду себе любовника стоящего, он мне нормальную хату снимет. Или купит. Между прочим, твоя квартира – тоже не апартаменты люкс.

– Да мы там последние дни доживаем. Я особняк построил, осталось только доделать кое-что, мебель завезти. Скоро переедем.

– О! Новоселье? Надо бы нам обновить мебель до жены.

– А что? Заказ принят. Слушай, у тебя в ванной лягушки не прыгают? Душ хочу принять.

– Сейчас посмотрю. – Даша вошла в ванную и через минуту крикнула: – Иди! Тут одна очень хорошая лягушка прыгает.

Он открыл дверь и увидел голую Дашу на четвереньках на полу.

– Стой так. Не шевелись. – Вадим сбросил брюки и полез к ней.

Он почти дошел до завершения, но она вдруг извернулась и освободилась от него. Он схватил ее, перевернул на спину и попытался получить упущенное. Она вновь выскользнула в самый неподходящий момент. Он зарычал, потащил ее в комнату, бросил на диван и навалился всей тяжестью, больно зажав ее руки над головой.

Когда Вадим скатился, тяжело дыша, Даша безразлично сказала: «Я не кончила».

– Ничего, – засмеялся он, – еще успеешь.

Она потянулась, зевнула и мгновенно уснула. Проснулась оттого, что Вадим что-то делал с ее ногами. Она не сразу поняла, что он связал их веревкой и прикручивает к откинтому валику дивана. Даша молча наблюдала. Она не шевельнулась и когда он то же самое стал проделывать с ее руками. Он грубо, почти жестоко ласкал ее. Ей казалось, что его пальцы разрывают все внутри. Затем он вошел в нее, но остановился. Развязал веревки, велел перевернуться на спину и привязал ноги и руки уже в таком положении. Опять грубое вторжение. Он встал, вышел в ванную, где они оставили одежду, вернулся. Она подняла голову: на красном лице сальным восторгом блестят глаза. Квадратный подбородок выдвинут вперед в предвкушении острых ощущений. В руке толстый ремень с крупной пряжкой. Он взмахнул им, но не опустил руку.

– Не делай этого, – сказала Даша, пытаюсь сдержать дрожь в голосе. – Слушай, я терпеть не буду. Мы так не договаривались.

– Сейчас и договоримся, сучка ты маленькая. Сейчас папочка тебя накажет.

– Что? – У Даши вдруг побелели губы. – Вадим, пожалуйста, умоляю тебя, отпусти меня, мне больно, плохо.

Но он уже ее не слушал. Хлестал розовые ягодицы, тонкую спину, беспомощно раскинутые ноги.

– О-о-о! – вдруг хрипло и страшно завывала девушка. – Умираю! Убил меня!

Вадим на мгновение опешил. Поднял ее голову, посмотрел в лицо.

– Да ты что! Seriously? Тебе правда не нравится?

– Развяжи, – прошептала она. – Мне в туалет надо.

Она долго сидела на унитазе, сжимая руками пылающую голову. Там был ее ад, и этот ублюдок его растревожил. Успокойся, Даша. Все надо делать спокойно. В ванной она сполоснула лицо и надела халат. За дверью ее ждал Вадим. Притянул к себе примирительно, коснулся губами уха.

– Ну, извини. Я не знал, что ты такая нежная. Многим это нравится. Ну, не хочешь, не надо. У меня в куртке бутылка коньяка, давай выпьем?

– Давай, – улыбнулась Даша. – Только ты открой бутылку и иди в комнату, включи телевизор. А я достану рюмки, закуску какую-нибудь приготовлю.

Он вернулся в комнату, плюхнулся на диван и начал нажимать кнопки на пульте в поисках эротического канала.

Даша не стала искать рюмки. Она взяла два стакана, разлила коньяк, потом достала из ящика стола упаковку клофелина и тщательно растерла бутылкой пять таблеток в порошок. Высыпала в один стакан и размешала. Посмотрела на свет. Нормально. Затем нарезала кусок вареной колбасы не первой свежести и порвала руками булку. Вот тебе и закуска. Поставила на поднос тарелку, стаканы, спокойно вошла в комнату.

– Двигайся, – она села рядом с ним на диван. – Давай выпьем весь коньяк и поспим как следует. А то у меня уже ноги дрожат.

– Я тоже полностью выжат. Измотала ты меня, – игриво подмигнул он ей.

Через двадцать минут его храп заполнил всю квартиру. Даша поднялась и долго смотрела на него. Затем взяла поднос и унесла на кухню. Выдвинула ящик стола, где лежали ножи, провела каждым лезвием по ладони. Выбрала один и вернулась в комнату.

Первый удар рассек сонную артерию, кровь фонтаном брызнула на Дашины руки, халат. Она брезгливо поморщилась. Размахнулась и изо всех сил ударила в грудь. В левую часть. Даже у него там есть сердце. А потом удары не считала. Она кромсала мертвое тело, пока были силы.

После Даша помыла в ванной руки и лицо, свернула халат, тапки и положила в пакет. Оделась. Вытащила из его пиджака бумажник и, не открывая, сунула в карман. Вернулась в комнату, подошла к мертвому телу и плюнула на него.

* * *

Ирина закрыла дверь своего кабинета на ключ и, облегченно вздохнув, опустилась в большое мягкое кресло цвета слоновой кости. Закрыла глаза. Представила себе густой лес, деревья такие высокие, что неба не видно. Между могучим дубом и беленькой березкой прилепилась крошечная избушка с одним окном. Там топится русская печка, белые дощатые полы еще пахнут смолой. Ирина наливает себе чай из старого самовара, достает из печи только что испеченный хлеб. Впереди целая ночь... Нет, впереди много ночей и дней, когда только звери и птицы будут приходить на ее крылечко, ожидая угощения.

– Ирина Анатольевна, – вытащил ее из нирваны голос секретарши Веры. – Звонит Каролина. Будете беседовать?

– А что ей нужно?

– Говорит, необходимо сегодня встретиться.

– Скажи ей, чтобы потерпела до завтра. В пять часов.

– Я сказала, но она...

– Мне плевать, что она. Ей назначили, и все. Будет возникать, вообще отмени ее сеанс.

Объяснить что-то Вере невозможно. Тысячу раз говорила: если я отдыхаю, значит, меня здесь нет. И случая не было, чтобы она через десять минут не лезла со своим: «Будете беседовать?» Сделаешь ей выговор, заноеет: «Но там срочное дело». Там всегда исключительно срочные дела, а у нас для каждого дела – свое время. То, которое мне удобно... Лес, избушка, маленькое окно светится в ночи. Пуховые перины, подушки, одеяла. Тишина такая, как будто еще не родился ни один крикун. Нет, настроение явно сбито. А отдохнуть между тем необходимо. Сил понадобится много. Ирина открыла сейф, где вместе с документами, деньгами, бутылкой красного вина стояла коробочка с выстроенными в ряд пластиковыми капсулами. Это допинг, созданный Ириной только для себя. Она тысячи раз проверяла компоненты на совместимость, отмерила точные дозы и определила свою норму. Ирина взболтала жидкость в одном пузырьке, воткнула в него иголку шприца, набрала один кубик и легко ввела в вену. Все аккуратно сложила, закрыла сейф, вновь опустилась в кресло. Она ждала «прихода» не с исступлением и жаждой наркомана. Она просто умело помогала адреналину, истерзанному чужими страстями, воспрянуть, взяться за работу – наполнить кровь теплом, светом, покоем, а если получится, то и радостью. Вот и хорошо. Камень в душе размягчился, растаял. Через мгновение Ира сделала усилие, чтобы сдержать ликование, чувство легкости и свободы. Она была готова и нажала кнопку секретарши. Та вошла со списком посетителей и пачкой их снимков. Ира внимательно рассмотрела каждый, выбрала один – женщина с тонким, покорно-печальным лицом – и сказала: «Пусть войдет».

Посетительнице было лет сорок. Успешные женщины считают такой возраст расцветом. Эта – из другой категории. Спросишь подобную, сколько лет она хотела бы прожить, она скажет, что ей детей нужно устроить, работу закончить, квартиру отремонтировать, родителям помочь в старости. Однажды Ира спросила у похожей клиентки: допустим, ваши планы осуществились. Что потом: вы станете устраивать свою жизнь, думать о своих интересах, пытаться встретить достойного мужчину, стремиться испытать страсть, любовь? «Бог с вами, – улыбнулась женщина. – Я давно живу по инерции, из последних сил. Вот это доделаю, то исправлю, все раскидаю по местам, а потом отдохну – столько, сколько нам обещано – вечность».

– Меня зовут Тамара Ивановна Коркина, – представилась дама, присаживаясь на кончик стула. – Вас рекомендовала мне Зоя Будина.

– Знаю. Слушаю вас.

– Честно говоря, не представляю, с чего начать. Никогда не общалась с такими специалистами, как вы. Проблема у меня очень банальная, многие так живут – и ничего. А я вот сломалась. Не могу ничего исправить и все как есть оставить не могу. Я уже всего боюсь. Жить совсем не хочется, знаете. – Коркина виновато улыбнулась.

– Попробуйте расслабиться. Вам не приходилось бывать на приеме у психотерапевта?

– Нет. Я как-то не очень в это верю, рассказывать толком о себе не умею. Да и ситуация особенно острой раньше не казалась. Я имею в виду собственные ощущения.

– Вы можете назвать свои негативные эмоции, которые привели вас ко мне?

– Да, я попробую. Сначала, довольно много лет, я убеждала себя, что это просто расшалившиеся нервы. Чего-то попила, почитала хорошую книгу – и можно дальше бороться с жизнью. А сейчас – это уже катастрофа. Во мне постоянно живут обида, гнев, ожидание худшего, страх. Может, я расскажу, с чем это связано?

– Не торопитесь. Мне нужно понять вас, чтобы помочь. Я получаю необходимую информацию. У вас бывают приступы агрессии? Вам случалось желать зла близкому человеку?

– Бывает, наверное. Но я верю... Даже не в бога, но в нравственную идею, что ли. Я никогда не переступаю грань, за которой грех.

– Уныние, как известно, тоже грех. Как и нелюбовь к собственной персоне. Неоказание помощи себе – статья в Уголовном кодексе. Как вы себя чувствуете?

– В каком смысле?

– В обычном. Здоровье как? Хотя вы вряд ли регулярно обследуетесь. Давайте я сама. Вы страдаете бронхитом, так?

– Хроническим.

– Мигрени?

– Очень мучают.

– Дальше я буду просто перечислять, а вы говорите, когда я ошибусь. Итак, депрессия, проблемы с позвоночником, заболевание кишечника, нарушение менструального цикла, прогрессирующее увядание кожи... Проблемы с венами. Пока достаточно? Я в чем-нибудь ошиблась?

– Нет. Все точно. Мне даже не по себе. А как?..

– Ничего сверхъестественного. Я врач по образованию. Неплохой диагност. Давайте поговорим о цели вашего визита. Я так понимаю, речь пойдет о муже. Вы принесли его фотографию?

Тамара вынула из сумки старую черно-белую фотографию мужчины с нечеткими чертами лица, квадратным подбородком и неуверенным взглядом небольших, почти круглых глаз. Ирина внимательно рассмотрела снимок, затем положила на него ладонь. Прикрыла глаза. Она заранее готовила себя к сигналу, но сердце по-прежнему реагировало слишком сильно. Вот. Горячая волна – будто выстрел в голову. Мозг вспыхнул, в глазах багровое сияние. Сердце болезненно сместилось, как будто пытаюсь спрятаться. Ирина издали услышала глухое kloкотание, переходящее в хрип. Кровь отлила от ее лица. Она с трудом подняла веки и восстановила дыхание.

– Что с вами? – Тамара с ужасом смотрела на побелевшие губы Ирины, обострившийся нос, затуманенные глаза.

– Когда вы видели своего мужа в последний раз?

– Позавчера он не пришел ночевать... Он часто не ночует дома... Но вчера вечером я вернулась с работы, стала убирать и нашла у зеркала в ванной вот

это. Утром этого точно не было. Значит, он приходил днем. И не один. – Тамара положила перед Ириной тюбик дешевой красной губной помады. – Что? Почему вы молчите? Вы что-то знаете?

Ирина молча придвинула к посетительнице снимок, положила на него помаду.

– Он не просто не пришел вчера ночевать. Полагаю, у вас есть основания заявить в милицию. Попробуйте убедить их принять заявление. Это может совпасть с информацией об убийстве.

– Что такое вы говорите? Вы думаете...

– Да. Я практически уверена. Вашего мужа нет в живых. Мне очень жаль. Сейчас Вера вам поможет. Не теряйте наш телефон. Он вам понадобится.

Глава 2

Тамара Коркина не первый раз обходила свою квартиру по периметру. Она пыталась логически выстроить совершенно алогичную ситуацию. Муж две ночи здесь не ночевал. Между тем днем, похоже, домой заходил, и не один. То есть чувствовал себя неплохо. Момент болезненный, но, мягко говоря, не новый. Бывало, он по неделям не приходил, и она его не искала. Это бессмысленно. Он может быть с кем угодно: с компанией, с женщинами и, наконец, с женщиной. Одной. Какие основания именно сейчас требовать от милиции, чтобы они искали его труп? Там зададут дежурный вопрос: «Так уже было?» После чего посоветуют ей возвращаться домой и ждать, пока муж не нагуляется. Она всегда страдала во время его отлучек – от тоски, разочарования, обиды, унижения, одиночества. Боялась, что он может совсем бросить ее. Но это все, чего она боялась. Ничего более страшного она себе не представляла. Может, когда-то, в самом начале, когда не хотелось верить в добровольность его исчезновений... Таким образом, в этот раз ситуация изменилась не из-за него, а из-за нее самой. Она дошла до края в своей усталости, ощущении уходящей, загубленной жизни. Ей показалось, что самостоятельно из этого мрака выбраться невозможно. И она дала себя уговорить одной подруге, которая все уши прожужжала ей небылицами о могуществе какой-то колдуньи, ведуньи, ясновидящей, или как там их еще называют. Тамара, никогда не

обнаруживавшая в себе мистической придури, не то чтобы поверила в эту чушь. Она просто почувствовала необходимость совершить не поступок, а его имитацию, обмануть собственную боль, а может, и разделить ее с кем-то посторонним, чье мнение не так уж и важно. Она не очень волновалась перед этим визитом, рассчитывая увидеть нечто среднее между деревенской бабкой с травами и заговорами и фокусником из цирка. Но серьезная, интеллигентная, очень сдержанная женщина, которая окинула ее проникающим насквозь взглядом, была похожа на профессионального врача и, как выяснилось, им и являлась. Тамара не успела понять, что чувствует: облегчение или разочарование, – когда произошло это... Что-то невозможное, невероятное произошло, когда ясновидящая рассматривала фотографию Вадима. Тамара вспоминала, как страшно менялось ее лицо, как сжималось вокруг них двоих невидимое кольцо, как отхлынула вдруг кровь от сердца самой Тамары. Она вновь почувствовала, что у нее холодеет кожа, немеют кончики пальцев, застывает перед глазами живое лицо мужа. У нее не было объяснений, но она верила Ирине. Неужели это возможно? Чтобы человек обладал таким даром: взять обычный снимок и прочесть в нем весть о беде. Нет. Это, конечно, обычные приемы мошенниц. Пусть эта даже очень достойно выглядит и уверенно, разумно себя ведет. И все же... Господи! А если это был не страшный фокус, а правда? Но не рассказывать же о ее визите в милиции. Тамара стала судорожно рыться в ворохе старых газет на полке в прихожей. Объявления! В них сейчас печатают что угодно. Вот. «Частный детектив. Телефон...» Она набрала его.

– Мне нужна ваша помощь. Возможно, – сказала она сбивчиво, как школьница, – у меня несчастье. То есть, может быть, оно случилось. Мне сказали... Одна... Ну, это неважно. Короче, мой муж. Его нет дома. С ним могла случиться большая беда. Конечно, это звучит глупо, но я хочу вас попросить мне помочь. Понимаете, мне некому помочь. Я совсем одна.

– Успокойтесь, пожалуйста, – ответил ей приятный мужской голос. – Приезжайте сейчас, мы постараемся во всем разобраться. Все может оказаться не таким уж страшным.

– Приехать? Но я не знаю... Я в таком состоянии, что просто вас не найду.

– Хотите, я к вам приеду?

– Да, пожалуйста, я буду очень вам признательна. Запишите адрес. Меня зовут Тамара Ивановна Коркина.

– А меня Сергей Кольцов. Ждите. Вы больше не одна.

* * *

Дома Ирина тяжело опустилась на стул в прихожей. В последние часы работы потребность остаться наедине с собой, спрятать от чужих посягательств мгновенно возбуждаемый механизм, спрятанный в хрупкой черепной коробке, она ощущала как приступы хронической болезни. Сейчас ее мозг, кожа, волосы оживали в покое, в ожидании чувства безопасности, а взгляд уже привычно скользил по вешалке, по столику в прихожей, где лежат сумки. Женя. Хорошо, что ее нет дома, но нужно определить по отсутствующим вещам, давно ли она ушла, далеко ли собралась, когда вернется. Необходимо отодвинуть беспокойство подальше. Дочь Женя. Смысл ее жизни. Самое большое счастье. Самый большой крест. Именно потому, что счастье.

Так. Любимая, очень дорогая куртка из тончайшей бирюзовой кожи с серебристой чернубуркой на месте, бледно-голубая сумка тоже лежит на столике. Значит, у зеркала должна быть большая косметичка с парадным набором косметики. Стало быть, после занятий в Гнесинке она не собирается в гости, на дискотеку, в клуб. Возможно, скоро появится. Ирина сунула ноги в мягкие тапочки, добрела до ванной, напустила очень горячей воды, разделась и скользнула в нее, прикрыв глаза от истомы и блаженства. Руки, плечи, затылок ныли так, будто она целый день таскала мешки с кирпичами. Ирина легонько зашевелила губами. Это была не молитва, не заговор, просто она договаривалась с облепившими ее чужими бедами. Растворитесь в чистой воде, оставьте меня на время, успокойтесь, мы еще встретимся. Мы с вами разберемся... Она долго, тщательно растирала тело жесткой мочалкой, лежа в горячей ванне, затем включила холодную воду и постояла под обильным, резким душем. Потом тщательно вытерлась большим полотенцем. В кухне выпила чашку кофе со сливками, и ноздри ее вздрагивали от чудесного аромата, успокаивающего нервы, согревающего кровь. Впереди только покой и радость. Ирина посмотрела на настенные часы и почувствовала, что ровно через тридцать минут повернется ключ в замке входной двери, и на пороге появится Женя. Скажет: «Ой, мам! Ты дома? Как хорошо. У меня желудок просто высох от голода». Они поужинают, найдут в программе самый глупый сериал и лягут в гостиной на широком диване. Будут смотреть телевизор, шутить, смеяться, жевать фрукты и жалеть, что так быстро кончается вечер. Ирина достала из холодильника куски парной телятины, помидоры, огурцы, красный и желтый

сладкие перцы и принялась готовить ужин. Она смочила мясо легким белым вином, немного налила себе в бокал, сделала несколько глотков. И вдруг отчетливо услышала женский голос: «Я одна. Я не знаю, что мне делать». Ирина напряглась. Срочно собраться, сделать контакт невозможным, закрыться. Она допустила ошибку, не окончательно очистилась от полученной информации, не прервала какую-то связь. Ирина прикрыла глаза, сжала зубы, скрестила руки на груди. Но женский голос вдруг застонал жалобно и умоляюще. Перед закрытыми глазами, как на экране, появилось тонкое, печальное лицо. Женщина плакала. Затем видения замелькали, словно во время перемотки пленки. И вдруг появилась четкая картинка. Тело обнаженного мужчины на окровавленной постели. Множество беспорядочных ран. Открытые глаза с застывшим выражением недоумения и страха и темный, толстый язык в отверстии рта... Ирина быстро вошла в свой кабинет, остановилась у стены, на которой висели географические карты. Она очень близко подошла к карте Москвы, провела ладонью по кругу. Большой круг, меньший, еще меньший... Ладонь вдруг вздрогнула и застыла. Ирина прижала ее теснее и почувствовала покалывание. Минуту она стояла в раздумье. Затем решительно набрала телефон секретарши:

– Вера, срочно телефон клиентки, Тамары Коркиной. Была у меня днем.

– Ой! Ирина Анатольевна! А зачем? И вы никогда...

– Я сказала, срочно...

Тихий женский голос ответил не сразу: «Слушаю вас».

– Тамара Ивановна? Это Ирина. Вы сегодня были у меня. Я хотела спросить: вы что-нибудь предпринимали?

– Я... Вы знаете, я как-то не решилась идти в милицию. Но я предприняла... Пригласила частного детектива. Вот он сейчас пришел, и я пытаюсь ему объяснить ситуацию.

– Дайте ему трубку, пожалуйста. Добрый вечер. Не будем тратить время на представления. Сейчас это неважно. Если вы беретесь за это дело, поищите на востоке Москвы. Рядом с домом много машин, автобусов, людей. Возможно, это автовокзал. Квартира невысоко. Скорее всего, первый-второй этаж. Сейчас она пуста. В смысле, живых людей в ней нет.

* * *

Сергей с участковым Гольяновского ОВД стояли во дворе одного из домов по Щелковскому шоссе.

– Ну, я не знаю, – лениво говорил участковый Миша Емельянов, рыжий, с мальчишеским лицом и курносый носом, сплошь в крупных веснушках. – Сколько еще ходить. В этом корпусе тоже сдают. Ну, до последнего времени точно, а сейчас не знаю. Там бабка померла на первом этаже. Внук вроде хотел хату продать, а потом решил сдать. Кавказ сначала пустил, с Черкизовского рынка, так они каждый вечер товар завозили прямо в квартиру. Грязь, запахи всякие, соседи меня жалобами закидали. Я его вызвал, так и так, говорю. Он кавказцев выгнал, двух девок поселил. Так они, – Миша радостно засмеялся, – они там бордель натуральный устроили, в этой двушке. По шесть мужиков за один раз принимали. Соседи просто кусаться начали. Я наследника опять вызвал: ты что, говорю, нормального человека найти не можешь? Что у тебя за проблемы? Он говорит, типа, будь спокоен, все улажу. Ну и вроде нашел. Не знаю кого, но уже несколько месяцев никто не жалуется на эту квартиру.

– Больше никто не сдает?

– Легально нет. Знаю бабулю одну с третьего этажа, хохлов держит в однокомнатной. Причем без регистрации. То их два, то четыре. Я днем выгоню, а она ночью опять пускает. «Миш, – говорит, – какие ж это квартиранты. Это ж родня, до поезда пришли пересидеть». – Миша опять залился смехом, но Сергей решительно потряс его за плечо.

– Не увлекайся, старик. Жизнь – штука веселая, но я вообще-то покойника ищу. Это совсем другая проблема, понимаешь? Нам нужно войти в ту квартиру, которая сдается.

– А че, покойники лежат только в таких?

– Полагаю, жмурика в своей не оставили бы, не ушли.

– Кто?

– Хозяева, Миша. Мы уже говорили: сначала проверяем съемные.

– Знаешь...

– Знаю. Войдем опять спокойно, без взлома и шума, как в тех домах. И к взаимному удовольствию. – Сергей взмахнул перед веснушчатым носом пятидесятидолларовой купюрой. – Если там все в порядке, узнаем, как дела у бабки с размножающейся родней.

– Чего тут узнавать. – Миша с усилием сдержал рвущийся наружу хохот. – Вон она, в окне торчит. У нее там круглосуточный пункт наблюдения.

Хлипкая деревянная дверь открылась с легким скрипом. В прихожей было темно и душно.

– Воняет, – деловито констатировал Миша и первым вошел в спальню. Сергей двинулся за ним, но на пороге они столкнулись. Круглые глаза изумленно вытаращились на совершенно малиновом лице участкового. Он обеими руками зажимал рот. Сергей подошел к кровати и закусил губу. Трудно представить, что в одном человеке так много крови. Сергей окинул взглядом черные раны, темно-синий язык, восковой лоб и не стал наклоняться. Бедолага коченеет здесь в одиночестве не один час. В ванной Сергей обнаружил беспорядочно сваленную мужскую одежду. Сергей сунул руку во внутренний карман пиджака: паспорт, права, кредитки. Бумажника, наличных денег нет. Паспорт на имя Вадима Викторовича Коркина. Все точно, как в кино про ведьм и вампиров.

– Вызывай бригаду, – повернулся Сергей к Мише. – То ли колдунья на самом деле вам подарок преподнесла, то ли убийца у нас с большими заморочками. Слушай, следствию про наводку пока ни слова. Скажи, что ты просто мимо проходил, скажем, шел квартирантов с третьего этажа гнать, и вдруг что-то подозрительное увидел. Ну, допустим... Да, дверь приоткрыта, а на звонки никто не ответил. Ну, ты и вошел. Квартира же засвеченная. Жалобы на нее были. А я вроде бы в гости к тебе зашел.

Миша утратил реакцию. Она вернулась к нему лишь после того, как в его ладони оказалась очередная зеленая бумажка.

До прихода оперативников Сергей курил на площадке. Затем погасил сигарету, тяжело вздохнул и набрал номер. Трубку взяли после первого гудка.

– Тамара Ивановна, это Сергей. Мне очень жаль. Я нашел вашего мужа. Во всяком случае, по документам это он.

– Что с ним?

– Убийство. Я подъеду к вам через некоторое время. Вас вызовут на опознание. Крепитесь. Я буду с вами. Да, еще минуту, пожалуйста, это очень важно. Нам нужно решить: мы ссылаемся на источник информации?

– Ни в коем случае. Исключено. Извините, я больше не могу говорить. Приезжайте. Я буду готова.

* * *

Даша вторые сутки лежала на продавленном диване в однокомнатной квартире, которую снимала одна ее знакомая. Когда-то они встретились на дискотеке, поехали вместе с компанией парней, время провели бестолково, нетрезво, не получив ни удовольствия, ни денег. Расставаясь, обменялись телефонами. Вот и пригодилось. Варвара за все время их совместного проживания провела в квартире несколько часов. Говорит, сделками с недвижимостью занялась, дело, мол, свое хочет открыть. Это конечно. Даша таких дельцов за версту чует. Она хмыкнула, сплюнула в жестяную коробку, служившую пепельницей, раздавила сигарету. Поднялась, сделала шаг и оказалась у допотопного шкафа. Полуоткрытую дверь распахнула ногой, не вынимая рук из карманов джинсов. Е... Ну и шмотки! Это называется секонд-хенд по пятнадцатому разу. Бархатное фиолетовое мини-платье с дешевым черным кружевом на груди и по подолу, крошечная красная юбка выше всякого зада, какие-то жуткие топики с люрексом. «Одним словом, менеджер, – удовлетворенно пробормотала себе под нос Даша. – Мне б в таком унитаза стыдно было мыть». Она посмотрела на часы. Восемь вечера. Вроде бы утро только что было. Ну что ж. Еще одну ночь здесь прокантуется, а завтра надо валить из этой клетки. Даша прошла в ванную, хотела налить горячей воды, полежать, подремать, как она любила, но брезгливо провела по стенке ванны и поняла, что себе дороже – купание в такой грязи. А чистить тут она не нанималась. Потому просто разделась и сполоснула над раковиной отдельные части лица и тела. Постирала белье, джинсы оставила

на трубе, вернулась на диван в короткой рубашке и взяла пульт телевизора. В это время кто-то открыл входную дверь ключом снаружи. Даша спокойно повернула голову в сторону прихожей. Ни фиги себе! Гостей приволокла. Даша не шевельнулась и не поменяла позы, когда в комнату вошли Варька и невысокий стройный мужчина непонятного возраста: над молодым лицом, ярко-синими глазами – абсолютно седая шевелюра. Даша, не моргая, выдержала наглый синий взгляд.

– Будем знакомиться? – поинтересовался гость.

– А то, – ответила Даша и села, медленно опустив голые ноги на пол и не подумав поправить рубашку, обнажившую бедра.

Через несколько минут на табуретках, принесенных из кухни, стояла большая бутылка виски и какая-то закуска. Даша первой взяла стакан, налила до краев и выпила залпом. Затем откусила от яблока и налила себе снова.

– Однако, – усмехнулся синеглазый Никита. – Сразу видно: девушка зря время терять не привыкла.

– А чего нам тут нахлобучиваться, – засмеялась Даша. – Мы люди свои. Специалисты по недвижимости. Так что давай, догоняй.

Виски незаметно закончилось, Никита вышел из квартиры на пятнадцать минут, вернулся с бутылкой водки. Языки у всех развязались, никто никого особенно не слушал. Но Даша трезво фиксировала каждый брошенный на нее синий взгляд. Варька все болтала про свое дело, которое откроет с минуты на минуту.

– А подругу в дело не хочешь взять? – вдруг спросил Никита.

Варька нахмурилась, подозрительно посмотрела на собутыльников. Но тут Никита, хитро глядя на них, закурил что-то похожее на самокрутку. По комнате распространился сладкий запах. «Косячок!» – радостно завопили подружки и полезли к нему, прося дать затянуться. С этого момента началось веселье. Все казалось страшно смешным. Соседи, колотившие в стенку, дикторша телевидения, которая отчаянно косила, глядя с экрана прямо на них. И смешно вел себя Никита, обнимающий Варю за плечи одной рукой и пытающийся раздвинуть Дашины ноги другой.

Проснулась Даша рано утром, сбросила со своей груди Варькин локоть, выбралась из-под скомканного пледа, нашла на полу свою рубашку, натянула на голое тело, босиком прошлепала на кухню. Там пахло кофе и дорогими сигаретами. Никита, умытый, аккуратно одетый, задумчиво стоял с чашкой в руке у окна. Он улыбнулся Даше и налил ей кофе. Она выпила его одним глотком и опустилась на угловой диванчик.

– А ты ничего, – сказал Никита. – Слушай, а я вчера говорил серьезно: хочешь войти с нами в дело?

– Недвижимость? – растянула губы в издевательской улыбке Даша.

– Можно и так назвать. Я присмотрел приличную хату, нормально обставленную. Продумаем ваш прикид: знаешь, такие то ли гимназистки, то ли бизнесвумен. Костюмчики, светлые блузки, высокие каблуки. Знакомитесь с деловыми мужиками, приглашаете на чашку кофе, а дальше – как пойдет, варианты разные могут быть...

– А бабки, я так думаю, тебе отдавать?

– Ну, мы договоримся в процентном отношении, как партнеры. У меня будут организационные расходы.

– Не-а, – покачала Даша головой. – Я под сутенерами вообще не работаю. Я сама по себе.

Лицо Никиты странно изменилось. Рот стал узким и длинным. На молодом лице вдруг ясно прорезались глубокие морщины. «Да ему лет сорок, не меньше», – подумала Даша и поежилась под пристальным холодным взглядом. Она отодвинула чашку и встала.

– Пойду я. Мне пора уже.

И вдруг ее руки выше локтей как будто сжали тисками.

– Ты что из себя строишь? Кем себя вообразила, дешевка подзаборная? – Никита по-змеиному шипел ей в лицо. Она чувствовала кисловатый запах его дыхания.

– А что? Что не так? – невинно похлопала она глазами.

Он чуть ослабил хватку и тут же скорчился от сокрушительного удара коленом в пах.

Через десять минут Даша вышла из подъезда старого дома у Курского вокзала, вдохнула свежий влажный воздух и сладко потянулась.

Глава 3

Тамара Коркина всю ночь просидела за столом, на котором были разложены ее семейные фотографии. Вот они с Вадимом на пляже в Серебряном Бору. Ей девятнадцать, ему двадцать. Они вместе учились в Плехановском институте. Познакомились на вступительных экзаменах, сходили куда-то пару раз и не то чтобы влюбились, просто им очень легко и уютно было друг с другом. Он приехал из Брянска и тосковал по дому, плохо чувствовал себя в общежитии. Она жила с вечно усталой, очень болезненной мамой, которая больше всего на свете ценила тишину и уединение. Тамара никогда не приводила домой друзей, а потом вдруг оказалось, что у нее больше и нет никаких друзей. Вадим матери, конечно, не понравился, но он был спокойным, нешумным, нетребовательным, и она просто перестала его замечать. А у Тамары появилась семья. Родной мужчина в доме. Она с удовольствием убирала, стирала, готовила, ждала его по вечерам. Как только он начал прилично зарабатывать, оставила работу. Тем более что мать совсем слегла. За ней нужно было ухаживать. Из-за этого затаили с ребенком. Между Тамарой и Вадимом никогда не было страстной любви. С самого начала они относились друг к другу как супруги, прожившие вместе много лет. Тамара даже думала, что Вадим просто такой нетемпераментный мужчина. Ее это устраивало. После смерти матери как-то все разладилось, обнажилось. Он стал приходить поздно. От него часто пахло спиртным, он научился повышать голос, хлопать дверью, раздраженно уходить среди ночи из спальни на диван в гостиную. Говорил, ему мешает, что она шелестит страницами книги. Однажды она услышала, как он вернулся на рассвете. Слишком шумно передвигался по квартире, что-то бормоча себе под нос, включал воду в ванной, хлопал дверцей холодильника, а потом захрапел в гостиной. Она накинула халат и тихонько вошла туда. Ее муж развалился на диване совершенно голый, от него несло перегаром, а на шее, груди и даже в

низу живота темнели какие-то пятна. Тамара подошла ближе и поняла: это следы порочных поцелуев. С тех пор она закрыла между ними дверь. Он больше не знал, о чем она думает, что чувствует. Но на бытовом уровне они общались как прежде. Только о детях уже никогда не заговаривали. Тамара не думала об обидах. Просто несла свой крест. Потому что по-прежнему считала мужа родным человеком. Она не знала, что ей делать со своей жизнью без него.

Тамара поднесла к глазам старый снимок Вадима. Добродушное лицо, ласковый взгляд, мягкая, нерешительная улыбка. Она смотрела на него долго, вспоминая, узнавая, ощущая. Потом изображение дрогнуло и расплылось в ее слезах. Уголки смеющихся глаз Вадима вдруг опустились, губы сложились в страдальческую гримасу, линия лба трагически надломилась. Тамара быстро отложила снимок и прижала обе руки к разболевшемуся сердцу. Но уже невозможно было унять ни эту боль, ни острую мучительную жалость, ни беспощадную работу собственного мозга. Больше не было ни воспоминаний, ни живого, безмятежного лица мужа. Она отчетливо видела лишь его страшное, изуродованное тело. Тамара встала, пошла по квартире, затем выпила холодной воды из-под крана на кухне, положила капсулу нитроглицерина под язык. Все бесполезно. Чувство безысходности заставляло сердце биться с трудом, вытесняло воздух из легких, уничтожало всякий смысл Тамариной жизни. Дело даже не в потере близкого человека. Дело в том, что ей осталось. Труп, изувеченный убийцей. Мысли о женщине, которая наверняка была с ним. Кто и за что мог его так ненавидеть? На что он был способен на самом деле? Завтра приедут из Брянска вызванные Тамарой родители Вадима. Ей нужно стоять рядом с ними и смотреть, как они читают акт экспертизы. Количество ножевых ударов, количество половых актов перед смертью... Количество их нерожденных детей... Мысли стали путаться. Не хватало еще сойти с ума. Одна, сумасшедшая, посреди горя и позора. Тамара вдруг поняла, что дожить до утра она не сможет. Она открыла кухонный шкафчик и стала рассматривать коробочки с приправами, пузырьки со специями, не отдавая себе отчета в том, что ищет. Взгляд упал на бутылку с уксусной эссенцией, которая стояла тут неизвестно зачем лет сто. Тамара механически протянула к ней руку, взяла и сразу решила, что это и есть то, что нужно. Физическая боль, потеря сознания, что угодно, только не эта мука. Тамара налила полный стакан бесцветной жидкости и выпила его залпом. Все зажглось мгновенно: горло, пищевод, желудок. Но лицо Вадима не исчезло, сознание осталось ясным, оно даже обострилось, и Тамара испугалась не смерти, а своего страшного предательства. Она бросает мужа именно сейчас, когда он так беспомощен и никому, кроме нее, не нужен. Тамара собрала все свои силы и встала на колени. Она только сейчас поняла, что упала на пол. Дотянулась до телефона, номер вспомнила сразу.

– Сергей, – прохрипела она, когда ей ответил сонный голос. – Простите. Я совершила большую глупость. Помогите мне. Если не смогу открыть дверь, взломайте ее. У нас не очень крепкий зам...

* * *

Дина проснулась от веселой возни двух теплых, пушистых тел. Они резвились практически на ее подушке, но собаки деликатно не издавали ни звука, чтобы ее не разбудить. Но стоило ей открыть глаза, как они набросились на нее с поцелуями. Дина любовно притянула к себе две лохматые головы, посмотрела в четыре блестящих глаза. Сейчас погуляем, потом поедим, потом... А потом возьмем – и еще поспим. Рань-то вообще несусветная. Дина приняла душ, приготовила себе кофе, и тут затрезвонил телефон. Так рано мог звонить только Сергей. Неужели очередное дело? Это бесчеловечно.

– Дина, ты проснулась? В смысле, уже ориентируешься в пространстве?

– Начало хорошее. Объясняю: я не собиралась так рано просыпаться и ориентироваться. Я встала на автопилоте, чтобы погулять с собаками и опять лечь спать.

– Я так и думал. Соберись, пожалуйста. У меня чудовищный случай. Моя клиентка, мужа которой зверски убили, ночью пыталась покончить с собой. Выпила стакан уксусной эссенции. Сейчас она в больнице. Жить будет, но самочувствие ужасное, к тому же тяжелая депрессия. И главное, у нее никого нет. Даже друзей. Она – единственный источник информации о муже. Без нее – никак. Стало быть, без тебя не обойтись. Я очень на тебя рассчитываю.

– А я просто удивляюсь. Хоть бы раз ты позвонил и сказал: какой день прекрасный. Никого не убили, никто не пил уксусную эссенцию, ни к кому не нужно ездить в больницу. И вообще я забыл о твоём прошлом сиделки.

– Моя дорогая...

– Ладно. Говори быстро, куда ехать, что ей нужно и как ее фамилия. И звони мне через каждый час, иначе я все брошу и спать лягу.

– Люблю. Скорее обожаю. Да, там опять колдунья одна нарисовалась. Она, собственно, и навела меня на убийство. Я говорил с ней только по телефону, но мне кажется, это Ирина Оболенская.

– Серьезно? Она что, убийство предсказала?

– Нет. Просто сообщила, где труп лежит. Клиентка к ней ходила мужа искать.

– Уже интересно. Хотя лично я предпочла бы дожить свою жизнь без Ирины Оболенской и воспоминаний о ней.

Дина, не допив кофе, нервно походила по комнатам. Нашла в одном шкафу небольшую дорожную сумку. Когда речь шла о расследованиях Сергея, она времени зря не теряла. Дина давно привыкла к мысли, что их с Сергеем поиски истины и справедливости и есть то самое важное дело, ради которого можно даже изменить свою жизнь. Свою странную, яркую и в то же время уединенную жизнь, которую она очень последовательно охраняла от посторонних внедрений. Дина познакомилась с Сергеем, когда он работал следователем Генеральной прокуратуры, а она вела журналистские расследования для одного известного издания. Она тогда жила с бабушкой и маленьким сыном. Родители погибли в автокатастрофе, когда Дина была ребенком, муж очень рано умер. Сергей был женат на телеведущей. Далее последовал плодотворный период, когда им все удавалось. Они работали словно один человек – профессиональный, как Сергей, и эмоциональный, чуткий, как Дина. Они не сразу позволили себе уступить взаимной страсти. Ее оборвала трагедия. Бандиты, делом которых занимались Дина и Сергей, похитили из санатория ее сына, страдающего пороком сердца. Он умер от сердечной недостаточности до того, как подонки успели предъявить свои требования. С этого момента Дина не мешала своей жизни превращаться в кошмар. Она оставила работу, похоронила бабушку и просто заточила себя в маленькой бабушкиной квартире. Лишь щенок золотого цвета, которого она забрала у алкоголички во дворе и назвала Топазом, разделял ее одиночество. Сергей ушел из прокуратуры, стал частным детективом, развелся с женой, подрабатывал как фотохудожник. Однажды его снимок «Девушка у реки» – то есть Дина – был опубликован в престижном зарубежном издании. Его увидел известный финансист Ричард Штайн, навел справки о модели и узнал, что это его единственная кровная родственница по линии деда, эмигрировавшего в Америку из Харькова. В это время Дина зарабатывала на жизнь, ухаживая за тяжелыми больными. Ричард приехал в Москву, купил Дине роскошный пентхаус на «Соколе», она стала лицом сети его салонов «Черный бриллиант», у нее

появилась помощница по хозяйству – Анна Ивановна, секретарь – Алена, поверенный в делах – Филипп Нуаре. Она ездила по миру, выполняя условия контракта, принимала участие в показах, презентациях. Но настоящей своей жизнью по-прежнему считала часы и дни уединения, воспоминаний и раздумий. И конечно, общение с собаками, которых теперь было уже две. Второго пса, похожего на мягкую игрушку-чернобурку, она купила у бомжа по кличке Вовка-Кабанчик. Так он ей представился, объясняя, что с ним щенок погибнет или с голоду умрет. Новый член семьи стал откликаться на имя Чарли. Когда он прибился к бомжу, на нем был ошейник с непонятными цифрами, не являющимися номером телефона. Дина время от времени напоминала Сергею, что надо бы с этими цифрами разобраться, но тот все время был занят, а Дина все больше привязывалась к Чарли. Мягко говоря. На самом деле она на «эту лохматень», как называет его Анна Ивановна, насмотреться не могла, заласкала вконец. Вот и сейчас он сидит и смотрит на нее большими, вечно удивленными карими глазами. Дина бросается его тискать, гладит Топика, надевает на них ошейники, и они выходят гулять.

Во дворе псы затевают настоящую возню с беготней и переворотами. Дина задумчиво наблюдает за ними и вспоминает человека, забыть которого просто невозможно. Ирина Оболенская. Дипломированный врач и практикующая ясновидящая. Не так давно они с Сергеем разыскивали ее как преступницу. Подруга Дины Катя была госпитализирована в психиатрическую клинику из-за сильного гипнотического воздействия. Пока Дина и ее секретарь Алена искали гипнотизера или очень сильного экстрасенса, Сергей обнаружил следы колдуньи в одном странном уголовном деле. Женщина убила мужа, который насильничал и истязал их маленькую дочь, и на предварительном следствии утверждала, что так поступить ей велела колдунья. Тогда им помог известный психиатр профессор Тарков, который рассказал об одной студентке мединститута с феноменальным даром ясновидения и дистанционного воздействия на поведение людей. Студентку звали Ирина Оболенская. Она оказалась достаточно известной в Москве колдуньей, которую непросто было найти, так как она заботилась не столько о рекламе собственной деятельности, сколько о том, чтобы скрыть ее. Но остановить расползание слухов по Москве не под силу ни самому великому магу, ни армии спецслужб. Вычислить Ирину оказалось легко среди массы обычных мошенников. От предъявленных обвинений она не только не отказывалась. Оболенская подтвердила, что воздействует на людей и по заказу своих клиентов, и в силу собственных эмоциональных потребностей. Как в случае с женщиной, убившей мужа. И проблема была не только в том, что мысли, внушенные на расстоянии, не представишь суду в качестве прямых улик. Проблемой стал сам факт столь невероятного дара. Кто знает, как сделать атом

исключительно мирным? Они с Оболенской тогда просто разошлись. Катя решительно отказалась предъявлять кому-либо претензии, тем более что заказчицей была ее подруга, приревновавшая ее к своему мужу. А женщине, убившей мужа, истязавшего ребенка, Оболенская наняла самого лучшего и дорогого адвоката, который добился ее оправдания. И вот теперь их пути вновь пересеклись, Оболенская навела Сергея на место убийства. Кто б сомневался, что более тесного города, чем Москва, не найти.

Дина позвала собак и направилась к дому. К сожалению, ее мечте выспаться не суждено сегодня сбыться.

* * *

Следователь МУРа Павел Иванович Калинин хмуро смотрел на Сергея.

– Опять ты раньше нас появился на месте преступления. Был бы кто-нибудь другой, а не я, взял бы тебя как подозреваемого. И правильно бы сделал. Знаем мы, как частные детективы себе на хлеб с икрой зарабатывают. Маму родную не пожалеют.

– Это точно. Без нас никаких убийств не было бы. Если бы не частные сыщики, мирные граждане порхали бы с ветки на ветку и целовались бы, как голубки.

– Ну, нечто в этом роде, – вздохнул Павел Иванович. – Что ты думаешь по поводу убийства Вадима Коркина? Точнее, что успел нарыть?

– Думаю, то же, что и вы. У него строительная фирма, неплохой доход, закончено строительство особняка в Звенигороде. Хорошая жена и знакомства с плохими девчонками. Кредитки остались во внутреннем кармане пиджака, значит, взяли только наличные в бумажнике. Вряд ли это очень большая сумма. Квартиру на «Щелковской» сдают, следы женского присутствия там имеются. Кто дама – неизвестно. Вот, собственно, и все.

– Какие предположения?

– Самые банальные. Разборка из-за денег, серьезный конфликт вокруг фирмы, пьяная драка из-за бабы или с этой самой бабой. Если учесть результат, то для

женщины, прямо скажем, неслабо.

– Это точно. Но в квартире обнаружены отпечатки двух человек – покойного и женщины, которая, судя по обилию этих самых отпечатков, и жила в той квартире. Она же, вероятнее всего, и спала с Коркиным незадолго до убийства. Что получается?

– Ничего особенного пока. Убийца или убийцы могли спокойно стереть свои отпечатки и оставить на рукоятке ножа ее пальчики. Если это заказ, киллер просто обязан был так поступить. Тогда не исключено, что дамы тоже нет в живых. Ее вывезли и убили в другом месте.

– Скорее всего, так оно и есть. Надо искать тело молодой женщины. Но в доме никто ничего о ней не знает. Несколько человек видели, что какая-то девица в этой квартире появлялась. Часто не одна. Возможно, проститутка. Ее имени-фамилии никто не знает. Ребята сейчас ищут хозяина квартиры. Но он мог сдать без договора, не проверив документы. Может, она без регистрации. Ладно, найдем, за что зацепиться.

– За хозяина особенно не зацепимся. Я нашел его. Он сдавал квартиру мужчине. Далее – по вашему тексту. Без договора, из документов он видел только водительские права. Эдуардом квартиранта зовут. Фамилии хозяин-дебил не помнит.

* * *

– И чтоб кобелей сюда не водила, – хмуро посмотрела на Дашу старуха в таком замусоленном халате, что определить его первоначальный цвет не было никакой возможности.

– Каких кобелей, бабуля ты моя драгоценная? Да в твой свинарник крысу без наркоза не затащишь.

– Ты про что, не пойму? Каку таку крысу с наркотиками?

– О-о-о! – изумленно протянула Даша. – Да ты у нас еще и умница неопишная. Сколько хочешь за месяц?

- Триста.

- Чего триста?

- Ну, не рублей же.

- Соображаешь. Ладно, показывай другую комнату, места общего пользования.

- Зачем другую?

- А ты как думала, я не глядя тебе деньги дам? Может, ты там дрова хранишь. Ты на такую похожа.

- Не пойму, тебе кака така разница? Я там живу, в другой комнате.

- Ах ты «кака така», мать твою! Ты триста баксов хочешь за совместное с тобой проживание? Ты что, тут останешься? Будешь мелькать постоянно и вонять своим халатом? Бабуля, за такие свои фантазии ты сама платить должна. - Даша решительно поднялась. - По-хорошему надо бы тебя потрясти перед уходом. Небось распихала тут по всем углам записку на похороны, а умирать не собираешься.

Старуха испуганно пискнула. Даша мгновение грозно смотрела на нее, а потом пошла к двери, откуда послала воздушный поцелуй несостоявшейся бизнесвумен.

- Ладно. Не бзди. Ариведерчи, малышка.

На улице Даша вынула из кармана полушубка бумажник, пересчитала его содержимое. Полторы тысячи долларов и три тысячи рублей. Нормально. Она отложила пятьсот долларов в задний карман тесных джинсов. Отсюда никто не вытащит. Это на квартиру на первое время. Остальные деньги рассовала по остальным карманам. Бумажник бросила в ближайшую урну. Оглянулась по сторонам. Там Белорусский вокзал, там Маяковка, значит, где-то здесь клевый, не очень дорогой бутик. Она быстро нашла его, открыла дверь из массива дерева и небрежной походкой вошла в небольшой, изысканно обставленный салон. Когда дверь за ней закрылась, к урне подошел бомж по кличке Вовка-

Кабанчик. Деликатно взял большой бумажник из натуральной кожи и, затаив дыхание, открыл по очереди все отделения. Мелочи рублей на двадцать, не меньше, ключи на блестящем брелоке с кнопочками. Маленькая фотография симпатичной женщины. На паспорт такие делают. Вовка хотел ее выбросить, но подумал и сунул обратно в бумажник. Она напомнила ему маму. Потом лучше рассмотрит. Он нажал одну кнопку на брелке, и вокруг него заплясали красные лазерные зайчики. Вовка даже засмеялся от восторга. Он нажал другую – в прозрачном окошке появилась нарядная барышня. Нажал третью – барышня быстро потеряла все свои наряды и кокетливо прикрылась двумя ладошками, которые, конечно же, ничего не прикрыли. «Вот это вещь!» – потрясенно прошептал Вовка, спрятал сокровища во внутренний карман пальто и застегнул его для верности большой английской булавкой.

* * *

Когда Никита с трудом проснулся, в комнате было почти темно. Голова болела, что-то тяжело давило на руку. Он не сразу понял, что это Варькина голова. Бесцеремонно сбросил ее, сел на постели, брезгливо повел носом. Чумичка! Могла бы помыться перед тем, как рядом с ним спать завалилась. Да и белье постельное если и меняла, то не в последние месяцы. Что ж это он так напился. Никита насупил брови, вспоминая что-то очень неприятное. Ах да. Эта стерва. Чем-то она его зацепила, он даже предложил ей войти в дело. А она... Он почувствовал тянущую боль в паху. Сука! Он такое никому не прощает. Он еще с ней встретится. Никита быстро оделся и подошел к туалетному столику, куда положил свою самую любимую вещь: массивные золотые часы с бриллиантами. Минут пять он тупо смотрел на пустое место. Он в любом состоянии не забывал, куда кладет часы.

Варька в ужасе проснулась от стука, звона, звериного рева. Никита с перекошенным, малиновым лицом, на котором ненормально светились пронзительно-синие глаза, разбивал, крушил и разбрасывал все ее пузырьки, баночки, безделушки. Она насмерть перепугалась, когда он подлетел к ней и больно схватил за плечи.

– Говори, куда она могла пойти, эта мразь, подружка твоя, которую ты, бестолочь, жить к себепустила! Вспоминай, дубина! Я ее все равно из-под земли достану и урою. Только перед этим на куски порву!

Глава 4

Даша вышла из магазина с ярким пакетом в руке. Там лежало черное короткое, облегающее платье с большим декольте. Юбка и рукава из панбархата, шелковый лиф расшит черным бисером. То, что нужно для приличного ночного клуба, откуда она наверняка уйдет не одна и решит проблему с ночлегом. Дальше Даша не загадывала. К платью она купила черные замшевые босоножки на высокой шпильке, украшенные небольшими стразами. Маленькая сумочка, хорошая косметика. Голову бы где-нибудь вымыть, и все офонареют от ее красоты. Даша выпила чашку горячего черного кофе с большой лепешкой с сыром у ближайшей палатки и уверенно направилась к Белорусскому вокзалу. Она не запаршивеет окончательно, пока существуют женские туалеты на вокзалах. Даша расположилась как дома у большого зеркала над раковиной. Достала тюбик с шампунем из пакета с косметикой, сняла свитер и стала тщательно промывать свои густые темно-русые волосы.

– Ты посмотри! – раздалось у нее за спиной. – Баню бесплатную она тут устроила!

– Ты меня лучше не трогай, – охотно и беспечно ответила Даша уборщице в синем халате, которую рассмотрела в общих чертах сквозь мокрые пряди, закрывавшие глаза. – А то в унитазе утоплю.

В ответ она услышала то ли вздох, то ли шипение, а когда взглянула в зеркало, протерев от пены глаза, за ее спиной уже никого не было. «О!» – удовлетворенно произнесла Даша, сполоснула волосы и тщательно вытерла их своим же свитером. Затем разложила его на сушилке для рук и занялась макияжем. Она умела это делать. Вскоре небольшие серые глаза томно и холодно замерцали в обрамлении темных загнутых ресниц и теней цвета тумана. Даша достала помаду двух цветов и блеск для губ. Узкие, бледные губы превратились в цветок. Капелька румян на высокие скулы, маленькие серебряные колечки в уши, нитка мелкого хрусталя на шею. «Я помню чудное мгновенье, – замурлыкала она довольно, – передо мной...»

– Да вот она! – раздался уже знакомый визгливый голос. – Марафет наводит! Проститутка чертова!

Даша повернулась и поняла, что настроение ей сейчас испортят наверняка. Рядом с уборщицей стоял белобрысый и прыщавый милиционер. И тут, конечно, сразу началось. Документы, регистрация, куда идет, где была. И он противно ухмыляется, выставив свои гнилые зубы, когда она доступно объясняет про поезд, из которого только что вышла, про больную бабушку в Мытищах, которая ее ждет не дождется. Даша не сопротивлялась, когда мент предложил ей пройти с ним. На этот случай у нее отдельно лежали сто долларов. Ну, на худой конец... Она внимательно взглянула на спутника. Тот похотливо облизнулся. Вот падаль. Навязался. Они вошли в пустой кабинет в отделении милиции.

- Деньги возьмешь? - сразу спросила Даша. - Баксы в смысле.

- Ну что ты так сразу? - противно оскалился он и закрыл дверь на ключ.

Даша не стала тратить время на пустые разговоры. Она быстро сбросила полушубок, джинсы, колготки, трусы. В одном коротком свитере подошла к продавленному дивану. Но тут парень неожиданно ловко и сильно схватил ее и бросил на стол лицом вниз. Больно прижал затылок и стал теревить свои штаны. Даша не сопротивлялась. Она просто не ожидала того, что произошло. Как будто лезвие ножа воткнули ей в анальное отверстие и стали методически рвать прямую кишку. Ей было дурно от боли, на мгновение она перестала соображать, где находится. Потом попробовала крикнуть, но получился лишь сдавленный стон. Когда все закончилось, у нее не сразу нашлись силы, чтобы подняться. Краем глаза она видела, как этот ублюдок вытирает ее колготками свой поганый стручок. На колготках осталась кровь. Даша молча надела трусы, натянула джинсы, испачканные колготки сунула в карман. Повернулась и мертвым взглядом посмотрела в лицо своему обидчику. Тот по-прежнему ухмылялся как идиот.

- Открой дверь, - сказала она.

- Ух ты! Командирша какая! А баксы твои где? Забыла, что ль?

- А ты не перебежешь? - сурово спросила она.

- Да ты что, шлюха вокзальная! В обезьянник захотела? Или мне ребят сюда позвать? Чтоб, значит, всех обслужила.

Даша взяла полушубок, вынула из кармана сто долларов и бросила на стол.

– Ты как бросаешь? Я тебе кто, мальчик? – Он притянул ее за плечо, его глаза остекленели от ярости. Даша почувствовала страх и непреодолимое желание впиться ногтями в эти белки с нездоровыми красными прожилками. Но он внезапно отвел взгляд. Он что-то заметил или сообразил. Вырвал из Дашиных рук полушубок и, сопя, стал вытаскивать деньги из кармана. Когда он вытащил завязанный в носовой платок предмет, Дашу била крупная дрожь. Сжав зубы, она смотрела, как он вынимает из платка и подносит к расширившимся глазам золотые часы, усыпанные бриллиантами.

– Бижутерия, что ли? – пробормотал он, уже понимая, что это не так. Милиционер даже взмок от волнения. Воровато сунув часы и деньги в карман, он быстро открыл дверь: – Вали отсюда по-быстрому.

Даша еле тащила ноги по улице. Невесомый пакет с нарядом казался ей ужасной тяжестью. Она добрела до ближайшего обменника и вытащила из заднего кармана джинсов одну из пяти уцелевших купюр. Получив рубли, положила их в карман полушубка и поняла, что дальше идти не сможет. Она увидела открытый подъезд старого жилого дома, нашла закуток за лестницей, где дворники прячут тряпки и щетки. Опустилась на колени и заскулила, как раненая собака. Слез у нее не было. Чуть-чуть отдохнула, вышла и уже немного бодрее вошла в супермаркет. Взяла упаковку дорогих колготок, мыло, несколько бумажных носовых платков. Расплатившись, нашла глазами приветливую девушку в форме менеджера зала и подошла к ней.

– Девушка, пожалуйста, помогите, у меня приступ язвы.

– Вызвать «Скорую»?

– Нет, мне просто нужно в туалет. У меня с собой лекарства. Выпью, посижу на унитазе, и все пройдет.

В туалете Даша сняла с себя все. Намылила лицо, грудь, бедра, долго и тщательно мылась. Затем выбросила в урну трусы, надела на голое тело колготки, потом платье, босоножки. Вновь нанесла макияж. Накинула на полушубок, спокойно прошла к выходу, где сразу же поймала такси.

* * *

Дина отложила газету и с интересом посмотрела на хорошую кожаную куртку, которую радостно втащил в гостиную Топик. «Сережа пришел», – обрадовалась она, и тут же обладатель куртки влетел вслед за собакой.

– Отбери у него сию минуту! Иначе я за себя не ручаюсь.

– Почему ты нервничаешь? Топик не портит вещи. Он просто так проявил гостеприимство. Помог тебе ее нести.

– Я сказал: отними, пока не поздно.

Но было немножко поздно. С другой стороны на куртку радостно налетел Чарлик, и собаки с рычанием стали тянуть ее в разные стороны. Спасло ситуацию любимое печенье псов. Сергей недоверчиво разглядывал целую куртку: он явно был готов увидеть две ее части.

– Слушай! – Он, облегченно вздохнув, опустился на диван. – Ты вообще в курсе, что домашние собаки приносят хозяину тапочки, другие предметы туалета? И даже ходят в магазин за покупками. Сам видел в сериале «Комиссар Рекс», как нормальная собака всему отделу полиции булочки с сосисками таскает. У тебя же собачья мафия. Я смотрю в их хулиганские рожи и читаю одну мысль: чтоб им еще такое устроить, какое издевательство? Причем эта метелка из-под бомжа совсем недавно был тише воды ниже травы. Прошел, как говорится, школу жизни. Что ты им внушаешь, от чего они так наглеют?

– Во-первых, Чарли только что справился с пережитым стрессом, – горячо заговорила Дина. – И я рада, что он развлекается! Куртку ему пожалел! Да он от смерти был на волоске. Во-вторых, носит тапки или, там, галоши обычная собака, дрессированная, туповатая. А мои мыслят, экспериментируют, изучают реакцию на свои поступки. В данном случае твою реакцию. Представляешь, какой у них ум?

– Гении! А моя реакция – обычная и серая. Оторвать каждому по уху и запереть в каком-нибудь шкафу. Шучу, девочка моя прекрасная. Да я бы даже тигров принял к тебе в нагрузку. Слушай, давай ошейник этого вундеркинда. Я попробую хозяина вычислить.

– Ой, только не сегодня. Он еще не окончательно реабилитировался. Да и я устала.

– Ты хочешь сказать, что он станет еще резвее? Ладно-ладно, ничего личного. Я, конечно, тебя здорово напряг с этой больницей, убийством и всем прочим. Как дела у Тамары?

– Так себе, конечно. Она мне понравилась. Я очень хочу, чтобы ты ей помог. Трудно представить себе более несчастного, одинокого человека. Кстати, она просила тебе передать, что собирается продать загородный дом и готова чуть ли не все деньги потратить на расследование этого преступления.

– Ты поняла, почему она хочет так поступить? Мало того, что муж ей при жизни изменял, так он ведь даже обстоятельствами своей смерти ее оскорбил. Зачем Тамаре в этом копать, искать убийцу?

– Я пыталась ее понять. И возможно, поняла. Есть очень редкий тип людей, на поступки и решения которых не влияют даже их собственные эмоции. Непонятно? Ну, давай так. Обычная женщина, узнав о том, что ее муж умер в постели, где был с другой, плюнет на его гроб или всю оставшуюся жизнь будет менять мужиков назло покойнику. Ну, я утрирую, конечно, для ясности. А Тамара – совсем другая. Ее боль, обиды не помешают ей выполнить то, что она считает своим долгом. Тот, кто отнял жизнь у ее мужа, не может остаться безнаказанным. Знаешь, она сейчас очень больна – и физически, и душевно. И при этом ничего маниакального. Она отдает себе отчет в том, что он страшно обидел ее, но не может смириться с тем, что у него отняли жизнь. Тамара думает, что сейчас нужна ему еще больше, чем при его жизни.

– И она права.

– А что следствие? Что-нибудь нашли?

– Типичнейший висяк. Девушка неизвестна. Квартиру снимала не она, а какой-то тип, о котором хозяин ничего не знает. Платил, и все. Эксперты определили, что замок на двери открывали ключами-копиями. Бог знает, сколько их есть. Как раз ключ с отпечатками пальцев девушки, которая была с Вадимом в ту ночь, найден в квартире. Паша склоняется к мысли, что ее увез убийца или убийцы и убили в

другом месте. В общем, ничего, за что можно было бы уцепиться. В общем, Тамаре дом продавать пока незачем.

- Нет, я так не думаю. Я и ей сказала, что это правильное решение, даже обещала помочь. В смысле - Алена его хорошо продаст. Зачем Тамаре этот дурацкий дом, с которым будут связаны ужасные воспоминания, подозрения и все такое. Пусть его продаст и едет путешествовать. Конечно, после того, как ты найдешь убийцу мужа.

- Ну ты даешь. Все за всех решила?

- Да. В общих чертах.

В кармане Сергея запел телефон.

- Да, слушаю. Да. Нет? Как же ты этого не знал? Но кто-то ж там убирает? Нет? Удивляюсь таким порядкам! Пока. - Он нервно заходил по комнате. - Ты представляешь, там две недели нет дворника и никто не убирает!

- Сережа, что с тобой? Ты возглавил движение «За чистоту наших дворов»?

- Вообще-то, кроме меня, кажется, это сделать некому. Я попросил участкового Гольяновского ОВД Мишу Емельянова найти дворника того дома, где Вадима Коркина убили. Дворники знают о любой квартире все, что можно знать и чего нельзя. Миша звонил. Оказывается, дворника две недели нет, и никого это не колышет. А ведь в квартире могут появиться люди. Мы с Пашей решили ее не опечатывать и наружку не ставить. Неизвестно ведь, когда появятся. Паша просто не в состоянии наблюдателей на неопределенное время с неконкретной задачей ставить... А вообще-то, может, это шанс. То, что дворника там нет. Его можно внедрить... Нашего дворника.

- Что ты на меня так смотришь? Сережа, ты же не думаешь... Сережа, ты совсем идиот?

* * *

Просыпаться не хотелось по конкретной причине. Она и спать-то толком не давала, но для того, чтобы открыть глаза и принять свою участь, Дине не хватало мужества. Но участь сама безжалостно приблизилась к ней.

– Проснись, Диночка, – произнесла она сочувственным голосом Алены. – Нам пора.

Дина сначала резко села на постели, затем в ужасе уставилась на ворох незнакомых вещей в руках Алены. Их очертания и гнусность расцветок вызвали у нее отторжение и чувство безнадежности.

– Ну что ты так, – неестественно бодрым голосом сказала Алена. – Ничего страшного. Все даже очень неплохо. Там оказался чудесный начальник РЭУ. Николай Степанович. Патологический взяточник. Он выполняет любые пожелания, как только услышит шорох в бумажнике. Ты имей это в виду. Мы произвели практически капитальный ремонт дворницкой квартирки. Я завезла вполне приличную мебель, заполнила холодильник. Ребят хороших нашла, они в три часа ночи подошли на твой участок, все убрали, почистили. Просто создали оазис среди жуткого запустения. И будут так делать столько раз, сколько потребуется. А это твоя одежда... Спокойно. Все не столь страшно, как кажется на первый взгляд. И все продуманно. Понимаешь, я вещи приобретала на Черкизовском рынке. Я поняла, что товар на каждом рынке отличается какими-то неуловимыми особенностями.

– От чего?

– От товара других рынков, разумеется. И человек в одежде без этих особенностей выглядит, грубо говоря, неместным. Хорошему дворнику это ни к чему. Поднимайся, дорогая. Приступим.

– Мне плохо, Алена. Тошнит, голова тяжелая.

– Не сомневаюсь. Но что делать? Я могу тебе предложить: брось всю эту затею. Она совсем не смешная. Это трудно и опасно. Но ты же дала слово, значит, будешь истязать себя, пока Сергей сам не взмолится, чтоб ты остановилась. Поэтому я просто тебе помогаю. Я буду все время рядом. Только давай сразу договоримся: о том, чтобы брать с собой Топика, не может быть и речи. Я оценила условия, контингент и убеждена, что такой собаке там не место. Насчет

контингента объясню потом. Возьми Чарли. У него есть жизненный опыт вообще и дружбы с бомжом в частности. Он и за себя постоит, и тебе будет помощником.

– Расстаться с Топиком? Господи, я об этом не подумала. Я не могу. Зачем я согласилась? – Дина всхлипнула и упала лицом в подушку.

Когда она вышла из душа, бледная, хмурая, с обреченным выражением глаз, на столе в гостиной дымилась большая чашка с горячим кофе, а на пороге стояла, скрестив на груди руки, Анна Ивановна и смотрела на нее в упор, как на самоубийцу, которой невозможно помочь.

– Ладно, Анна Ивановна, давайте не будем... – пробормотала Дина, отхлебнула кофе и, наткнувшись взглядом на Топика, бросилась в спальню одеваться, пока еще сохранились крохи решимости.

Через пятнадцать минут они с Аленой выехали из гаража. На заднем сиденье удобно устроился Чарли, с интересом разглядывая окрестности за окном. Дина чувствовала себя кадушкой в непромокаемых синих штанах на двойном синтепоне и в бесформенном, практически безразмерном сером свитере. Рядом с ней лежала черная куртка с большим капюшоном на фиолетовом искусственном меху. Дина поерзала и нащупала какие-то твердые предметы в закрытых на «молнии» карманах штанов.

– Чего ты мне натолкала? – удивилась она.

– Там самое необходимое, – спокойно ответила Алена. – Электрошокер и газовые баллончики. Ты понимаешь, что будешь находиться одна на улице поздно ночью, рано утром, короче, в разных ситуациях? Я хотела тебе кое-что рассказать о жильцах этого дома. Людей, снимающих там квартиры, действительно немного. Но за последние годы произошла массовая смена владельцев. Почти исчезли те, кто жил в доме по двадцать-тридцать лет. Квартиры проданы в основном приезжим, главным образом тем, кто связан с рынком. То есть жильцы знают друг друга плохо, и каждый свои занятия не афиширует.

– А эта квартира, в которой Вадима Коркина убили, далеко от моей находится? В смысле – от квартиры дворника?

– Дина, квартира дворника прямо над той, где произошло убийство. Если тебя это напрягает, честное слово, нам имеет смысл вернуться домой.

– Да нет. Это, наверное, условности. Но как ты думаешь, в идее Сережи и впрямь есть рациональное зерно? Я действительно смогу что-то узнать, если буду там жить и крутиться во дворе с метлой?

– Честно говоря, я думаю, что это единственный способ получить какую-то информацию. Но пользоваться таким способом, по-моему, стоит лишь в том случае, если речь идет о деле всей жизни. А мы имеем всего лишь задание частного сыщика.

– Не скажи, – вздохнула Дина. – У хорошего сыщика не бывает дежурных заданий. Для него это всегда дело жизни. В данном случае, правда, моей.

– Вот именно. Мне не совсем понятно, почему ты должна тратить на его идеи свое время, нервы, здоровье.

– Алена, так повелось. Мы с ним и есть – один целый сыщик. Он мне в любом деле помогает. Ты же знаешь. И потом – мне самой все это интересно. Просто сначала трудно раскачаться. Я из дома ненавижу уезжать, с Топиком расставаться. Но как только появятся результаты, забьет фонтаном мой энтузиазм.

– Ну конечно, – с сомнением выдохнула Алена. – А что официальное следствие: они вроде бы собирались искать тело женщины, которая была в квартире с Вадимом?

– Они ищут. И находят множество неопознанных тел девушек, которых никто не разыскивает. Пытаются устанавливать их личность. В общем, не очень продуктивный путь. А мужчину, который снимал эту квартиру, взялся найти Сергей.

– Мы, кстати, приехали.

– О господи, помоги нам!

Глава 5

Ночь Даша провела в небольшом клубе для «золотой» молодежи «Приют одиночек». Пары и мужчины проходили в него по приглашениям, одинокие девушки – после фейс-контроля. Даша уверенно оттеснила бедром известную телеведущую, которая скандалила с охранником, преграждающим ей путь, взмахнула надменно ресницами и беспрепятственно прошла в душистую уютную полутьму, освещаемую неяркими настенными светильниками и свечами на столиках. Она села на высокий стул у барной стойки, закинув ногу за ногу, и заказала стаканчик текилы. Жгучая жидкость уменьшилась всего на несколько глотков, когда на стойку рядом с ней облокотился высокий брюнет с раскосыми темными глазами. Он смотрел на Дашу ласково и нахально.

– Есть вопросы? – небрежно поинтересовалась Даша.

– Вопросы будут потом, – растягивая гласные, как избалованный ребенок, ответил парень. – А пока есть предложение составить мне компанию. Пошли за столик?

Столик кавалера оказался в уютном алькове, отделенном ширмой от зала. Он был накрыт на несколько человек.

– Кто еще будет? – поинтересовалась Даша.

– Друзья должны подойти попозже. А я, знаешь, не люблю сидеть один.

Даша уселась в мягкое удобное кресло, с удовольствием окинула взглядом напитки и закуски на столе и осведомилась:

– Сразу можно налегать или знакомиться будем? Слушай, я тебя где-то видела. Нет, точно, это не кадреж.

Парень улыбнулся томно и снисходительно.

– Вполне возможно.

- Слушай, да я тебя по телику видела. Ты еще нажрался в каком-то ресторане, посуду побил, права качал. Ты сын бугра большого. Помню, сто пудов. То ли президента, то ли депутата. Фамилию забыла.

- Да ты политически подкованная девица. Моя фамилия Ветров. Алексей. Мой отец... Собственно, тебя вряд ли интересуют подробности.

- Да мне по фигу. Нет, прикольно, конечно. А я Инесса. И моя мамаша - английская королева.

- Отлично. Вот и познакомились.

Когда пришли друзья Алексея, Даша была уже сытой, чуть пьяной и в отличном расположении духа. Ей понравился молчаливый молодой человек в очках, с тонкими чертами лица и ужасно не понравилась девушка, жеманная, холеная, с крупными бриллиантами на тонкой шее, запястьях и пальцах. Даша поймала на себе пренебрежительный взгляд Ксении - так звали девушку, - медленно облизнула томно приоткрытые губы, спустила платье с одного плеча, обнажив до соска маленькую смуглую грудь, и широко улыбнулась:

- Ну, что ты вылупилась? Не боишься, что глазки твои пороссячи заболят?

Ксения задохнулась, покраснела, но успела только произнести: «Ах ты...», а Даша больше не смотрела в ее сторону. Она нежно трепала по загривку молчаливого парня в очках.

- Ты что такой скучный? Тебе здесь не в кайф? Или не хватает кого-то? Меня, между прочим, зовут Инесса.

- Очень приятно. Я Артем. Отвечу по порядку. Я нормальный. И мне здесь неплохо. Всех хватает.

- Да, и впрямь по порядку. Ты на таблицу умножения смахиваешь.

- Это комплимент или наоборот?

- Это так. Треп просто. На самом деле ты классный. А я как тебе? Нравлюсь?

- Ты – вполне. Нормальная девчонка.

- И на том спасибо. Мы с тобой нормальные, а они дебилы.

Она рассмеялась, прижалась к Артему обнаженным плечом и сразу заметила, что глаза Алексея зло сузились. Даша под столом сжала его колено и шепнула: «Давай выйдем. Мне сказать тебе что-то надо».

Они вышли в маленький пустой коридорчик, и Даша на мгновение прильнула к Алексею всем телом, зашептала прямо в ухо:

- Знаешь, ты такой классный. Очень нравишься мне, я просто балдею. Скажи, мы еще тут побудем? Здесь прикольно.

- Конечно, побудем. Ночь только начинается. Тут еще стриптиз-балет будет.

- Ой, здорово! Но я к чему спрашиваю. Мне выскочить надо. Понимаешь, здесь недалеко у меня подружка живет. Она заболела, сечешь? А у нее день рождения. Мне только на полчаса забегать. И привезти ей чего-нибудь. Бутылку, жратвы немножко...

- Да без проблем. - Алексей заглянул в зал и свистнул проходившему мимо официанту. - Петь, будь другом. Корзинку подарочную сообрази. Для дамы. «Вдову Клико», фрукты, пирожные, икру... Да, для этой дамы, думаю, еще бы коньячок хорошо. Да и водки бутылку. Инуль, я могу тебя отвезти. Или ты на машине?

- Нет, я на такси. Ты уже немножко пьяненький. А я люблю на такси.

Через пятнадцать минут Даша остановила такси у невзрачного здания отделения милиции. Вошла походкой «от бедра» в мрачный казенный коридор. Дежурный с изумленным видом высунулся из окошка, рассматривая сначала девицу, затем корзину в ее руке.

- Слушай, - доверчиво обратилась к нему Даша. - Я тут была у лейтенанта вашего. Фамилию забыла. Такой невысокий, светленький. Вон там, в том кабинете, в конце коридора. И, понимаешь, часы у него забыла.

– У Михайлова, что ли? Так он тут еще. А корзину ты принесла, чтоб часы в нее положить?

– Точно, – обрадовалась Даша. – А говорят, менты тупые.

С лица дежурного не сразу сползла улыбка, но Даша уже открывала дверь кабинета, который покинула несколько часов назад.

* * *

Когда раздался звонок в дверь, Тамара вскочила с маленького диванчика в холле и не сразу справилась с замком, так дрожали у нее руки. Впустив Сергея, она закрыла лицо ладонями.

– Я не представляю, когда кончится этот кошмар. Каждый день происходит что-то ужасное, невероятное.

– Тамара, у меня предложение, – сказал Сергей. – Давайте сначала пройдем на кухню, вы сварите нам кофе, мы его спокойно выпьем, а потом обо всем поговорим.

Но выпить спокойно он сумел лишь пару глотков. Больше не смог вынести измученного, умоляющего о помощи взгляда Тамары.

– Я готов. Внимательно вас слушаю.

– Я говорила Дине и вам, что хочу как можно быстрее продать наш загородный дом. Алена нашла мне хорошего риелтора, он даже в больницу ко мне приезжал, рассказывал о покупателях. Там у них есть какая-то возможность продать особняк до истечения полугода – срока вступления в права наследства. Система доверенностей и прочее. В общем, я нашла все бумаги на дом, и мы поехали к нашему нотариусу: у него хранилось завещание Вадима. Я его, разумеется, читала: он завещал дом и деньги со своего счета мне. Меня это еще тогда неприятно зацепило. Зачем завещание? Мы же, говорю ему, одноклассники с тобой. Он рассмеялся. Затем, говорит, что тебе мне завещать нечего. Мы приехали к Петру Николаевичу... Нет, вы не представляете, что произошло! Он сказал, что

незадолго до гибели Вадим переписал завещание! Он все оставил какой-то женщине. Марии Ильиной. Я впервые слышу это имя.

- Вы взяли копию документа?

- Да, он еще не сразу согласился нам его дать. Вот. Смотрите. Там адрес есть.

- Может, она его родственница? В семье человека называют уменьшительным именем - Маша, Маня, - а фамилию вы вообще могли не знать. У него сестер, племянниц не было?

- Нет, не было совершенно точно.

- А, извините, побочной дочери не могло быть?

- По этому поводу, честно говоря, я ничего не могу сказать.

- Попробуйте вспомнить: эту фамилию вы действительно никогда не слышали дома, во время разговоров мужа с друзьями, коллегами, по телефону?

- Не припомню. Я мало знаю о делах мужа.

- Ну, что ж. Спросим у самой наследницы. Раз есть адрес, значит, найдем ее, даже если она по нему не живет. А там - кто знает. Завещание - это мотив.

- Вы считаете, его могли из-за этого убить? Но как он мог написать другое завещание, не поставив меня в известность? Он был не настолько непорядочным человеком. Я бы даже сказала, что он всегда чувствовал свою ответственность за меня. Или мне это казалось. Ничего не понимаю.

- Тамара, - Сергей положил руку ей на плечо. - Убийство - не конец сей истории. Это ее начало. И если вам довелось оказаться в поле этой беды, нужно в первую очередь набраться терпения и пробираться к какой-то разгадке. Вместе мы найдем ее.

- Может быть. Нет, я уверена в том, что нужно узнать правду. Иначе невозможно жить.

– Кстати, а жить вам есть на что?

– Да, конечно. У меня есть небольшая сумма на счете.

– Вот и хорошо. Я беру этот исторический документ, вы мне пишете на бумажке координаты вашего нотариуса, и я отправляюсь на поиски наследницы вашего мужа. А вы пока ни о чем не думайте. Правда может оказаться совершенно неожиданной.

* * *

Михайлов бормотал уже что-то совсем невнятное мокрым ртом с белой пеной в уголках губ. Даша сидела на столе и, не моргая, смотрела ему в лицо. Она удивлялась, как он еще не подох от ее ненависти, не задымился, не сгорел. Он все никак не засыпал, хотя она насыпала раздавленные таблетки клофелина, не считая, уже в третий его стакан с водкой. Он потянулся за сигаретами, закурил, с напряжением удержал опускающиеся веки и вдруг встретился с ее взглядом. Удивительно: он все понял, но не испугался, его взмокшее лицо исказила ответная злоба. Даша физически почувствовала волну его агрессии. Она достала из сумочки еще упаковку лекарства, высыпала все таблетки себе на ладонь, затем схватила одной рукой Михайлова за жидкие, сальные волосы и затолкала в его открытый рот все, что было в ладони. Он пытался сопротивляться, но сил не было совсем. Даша зажала ему нос и, брезгливо морщась, протолкнула таблетки до самой хрипящей глотки. Затем запрокинула его голову и влила остаток шампанского из бутылки. Когда она отпустила лейтенанта, он стукнулся лбом о стол и забулькал, как прохудившийся кран. Даша вывернула карманы на его брюках и висящем на стуле кителе, выгребла все свои и, возможно, его деньги. В нагрудном кармане обнаружила часы с бриллиантами. Бросила их к себе в сумку. Затем взяла часть купюр и смяла их в комок. Когда она заталкивала этот кляп в его рот, ставший совсем мягким и безвольным, он уже не хрипел, не храпел, не булькал. Он дышал медленно, слабо, как будто воздух покидал его легкие. Даша достала из-под стола бутылку со спиртом, опустошенную на треть. Он пил это, когда она пришла. Она полила Михайлова обильно, как овощ на грядке. Затем собрала бумаги с полок, из ящиков стола, юридические брошюры из шкафа. Порвала все и натолкала ему в рубашку, брюки, завалила лежащую на столе голову. Сложила оставшиеся деньги себе в сумочку, достала зажигалку, но вдруг отложила ее в сторону. Нашла в сумке косметичку, вытряхнула ее содержимое и обрадовалась, увидев перочинный

ножик с перламутровой инкрустацией. Она помнила, что он очень ей понравился в магазине, она его купила и куда-то сунула. Думала, потеряла. А он вот. Такой милый, такой полезный. Даша развернула к себе стул, на котором лежало бесчувственное тело Михайлова, быстро и ловко расстегнула его брюки и с наслаждением вонзила острое лезвие в мягкую плоть. «Кровищи сколько от такой вонючей ерунды», – проворчала она себе под нос и подняла к глазам то, что недавно было орудием ее пытки. Огляделась по сторонам, увидела на стене какой-то большой портрет. «Наверное, это их главный мент», – подумала она и, подтащив к портрету стул, повесила на рамку окровавленный кусок плоти. Посмотрела на результат своих усилий со стороны и удовлетворенно кивнула. Лишь после этого чиркнула зажигалкой и поднесла ее к вороху бумаг на столе. Она успела увидеть, как вспыхнули редкие, политые спиртом волосы, и закрыла дверь в кабинет. Проходя мимо окошка дежурного, Даша игриво помахала ему рукой.

– Ариведерчи, малышка!

* * *

Алена остановила свой «БМВ» у сквера за углом дома.

– Ну что ж, дорогие мои бойцы невидимого фронта. Я все сказала, сейчас быстренько высажу вас и сразу уеду. Но ты, Дина, помни: я постоянно на связи. По ночам мои ребята будут наводить потихоньку порядок, так что инвентарь держи при себе в основном для самообороны и поддержания духа.

Она легонько коснулась губами Дининой щеки, потрепала Чарли по лохматой голове и открыла дверцу. Как только они вышли, она сразу тронулась с места, но не удержалась и посмотрела им вслед. Женская фигура в неуклюжем одеянии обреченно брела к дому в сопровождении несерьезного, можно даже сказать, карикатурного пса. На что способна такая компания? Чем думает этот горе-сыщик? Резкие, волевые черты лица Алены смягчились от жалости и тревоги.

Дина изо всех сил старалась не поворачиваться и не смотреть вслед машине Алены. Она боялась не выдержать и закричать, позвать подругу на помощь – увезти их с Чарли отсюда к чертям собачьим. Дине казалось, что она уже сыта этим приключением. Тем не менее они прошли сквозь грязный, мрачный двор, преодолели два пролета такой же лестницы и остановились у двери из дешевой

фанеры, на которой мелом от руки было начертано № 4. Дина открыла ее своим ключом. Чарли первым переступил порог и с деловым видом принялся. Ничего страшного. Пахло краской и чистотой. Алена ко всему относится очень основательно. Почти уютная квартирка. Мебель явно новая, на кухне тоже все вполне прилично. В холодильнике еда, сухой корм для собаки, фрукты и соки. В ванной висит незнакомый и тоже новый махровый халат в синюю полоску. Дина с облегчением вылезла из своей воздухонепроницаемой оболочки, закуталась в халат, поставила на плиту белый эмалированный чайник и нашла банку с растворимым кофе. Затем насыпала корм в небольшую глубокую тарелку и сказала Чарли:

- Вот твоя еда. А в другой тарелке будет вода.

Чарли понимающе хлопнул блестящими глазами, затем прилег на полу в кухне, придвинул передней лапой корм к себе поближе и с удовольствием захрустел.

- Молодец! - улыбнулась Дина. - Умеешь создавать себе уют. Ничего. Я тоже постараюсь.

Минут через двадцать им уже казалось, что жизнь налаживается. Они удобно устроились на маленьком диванчике у окна и стали с интересом разглядывать каждого, кто проходил по двору. Когда позвонил Сергей, Дина была уже спокойна, собрана, но для порядка выразила ему свое недовольство:

- Я уж думала, ты забыл, что мы торчим здесь спозаранку. Ждем, между прочим, твоих указаний. Почему ты так долго не звонил?

- Да у меня, знаешь, дела.

- Что-нибудь узнали?

- Да, но не то, что искали. Вадим за несколько дней до смерти переписал завещание, которое было составлено на Тамару. Теперь дом и его деньги завещаны абсолютно неизвестной гражданке.

- Ничего себе! Так, может, это и есть та самая гражданка, что с ним была? И она его и того?..

– На этот вопрос я собираюсь быстро найти ответ. В завещании есть адрес. Сейчас еду ее искать. Но, честно говоря, я на девяносто восемь процентов уверен, что это не она. Зачем было затевать историю с завещанием, если такой дикарский способ убийства сразу приведет к главному заинтересованному лицу. Конечно, есть вариант, что гражданка подставная. Это совсем другое дело – связь убийц с женщиной, которая указана в завещании. Как вы там?

– Да мы потихонечку, по своему дворницкому делу. Лопату, метлу приготовили, одежонку нам приобрели по принципу: страшнее не бывает. Вот собираемся сейчас встать посреди двора. Я буду изображать пугало, Чарли присматриваться к жильцам, особенно на четырех лапах и с хвостами.

– Будь осторожна. Если во второй квартире кто-то появится, сама туда не иди. Сразу звони мне или, на худой конец, участковому Емельянову. Он в курсе. Только учти: он не Эйнштейн, ему надо все объяснять просто и доступно, задачу ставить конкретно, а его инициативу отметать. Ладно, давай, девочка моя. И не хандри. Сначала любое дело кажется беспросветным. Обнимаю.

Когда Дина, вновь облаченная в маскировочный прикид, вытаскивала из подъезда огромную лопату, на нее бесцеремонно уставилась толстая женщина с детским обиженным лицом.

– Дворник у нас, что ли, появился? Да, видно, нормальные люди совсем перевелись. Опять Степаныч учудил. Ты ж, девка, эту лопату с места не сдвинешь.

– Во-первых, сдвину. А во-вторых, физическая сила – не главное. Даже для дворника. Кстати, меня Дина зовут. Моего пса – Чарли. Если вы живете в этом доме, давайте знакомиться.

– Сима я. Серафима в смысле. Живу рядом с тобой. У меня кот, между прочим, собак терпеть ненавидит. Может и по носу дать, если твой кобель к нему пристанет.

– Сима, дорогая, ты только не нервничай. У Чарли так много дел, что на кошек времени просто не останется. Спасибо за внимание, мы пошли оправдывать твои надежды.

Глава 6

Вовка-Кабанчик, заслуженный бомж Москвы, бродил по своему любимому маршруту – от станции «Арбатская» до Никитских ворот. Прохудившаяся подошва ботинок пропускала к его усталым ступням холод, влагу, грязь. Ему было плохо, и он с особым вниманием без зависти и надежды смотрел на встречаемых мужчин, обычных прохожих в обычной одежде, которая была для Вовки так же недоступна, как и счет в банке. Рядом с ним припарковался черный джип. Водитель громко хлопнул дверцей и, проходя мимо Вовки, едва не сшиб того с ног. Вовка посмотрел сердито на невысокого стройного франта с седыми волосами над молодым лицом и глазами пронзительно-синего цвета. Но тут же отвернулся, как умная, наученная горьким опытом собака отводит взгляд от более крупного, опасного пса. Седой парень прошел мимо Вовки, как будто мимо урны для мусора.

Тот с тоской уставился на его удобные, мягкие туфли. Седой подошел к табачному киоску, купил пачку сигарет, положил сдачу в большой бумажник и небрежно сунул его мимо кармана куртки. Вовку как будто молнией ударило. Он напрягся, задрожал и воззрился себе под ноги, чтоб никто не заметил, куда он смотрит. Седой сел в машину, захлопнул дверцу, неторопливо закурил и собирался тронуться с места, как вдруг его взгляд упал на оборванца, что-то поднявшего с земли. Ба, да это же его бумажник! Он для уверенности проверил свой карман и быстро выскочил из машины. Вовка не понял, отчего он упал в подмерзшую лужу. Над ним, как два синих фонаря, светились бешеные глаза, а ноги в щегольских туфлях с острыми носами наносили сокрушительные удары по самым уязвимым местам бедного Вовкиного тела. Он захлебывался слезами, соплями, кровью и понимал, что это конец, спасения нет. И вдруг что-то яркое, светлое налетело на Вовкиного обидчика, будто облако, и звонкий голос подарил надежду Кабанчику, а его палач удивленно оглянулся. В его куртку изо всех сил вцепилась миловидная девушка в красивом полушубке из голубой норки.

– Ты что делаешь, придурок! Ты же убьешь его! Я милицию сейчас позову!

Синеглазый оглянулся, лицо его разгладилось, губы сложились в чуть заметную, тонкую, многозначительную улыбку.

- Прошу прощения, мадемуазель, это ваш знакомый или вы просто представляете общество по защите животных?

- Я представляю общество по отлову таких скотов, как ты. Милиция! - Девушка помахала рукой приближавшемуся милиционеру.

Вовка с трудом сел, потер рукавом пальто лицо, и ему показалось, что он уже в раю. Рядом с ним стояла и ругала почем зря жлоба, который хотел его убить, девочка Мальвина.

- Я ничего, - прошептал он ей, сидя на земле. - Ну его. Пусть себе едет куда ехал, раз такой бешеный. Он подумал, что я бумажник его стибрил. А мне зачем? Просто вижу - лежит. Взял, посмотрел, может, кто потерял, думаю. Надо, думаю, отдать. Только кому?

- Что у вас случилось? - спросил милиционер. - Из-за чего драка?

- Собственно, инцидент исчерпан, сержант, - сказал синеглазый. - Так, недоразумение по поводу частной собственности. Но мы уже во всем разобрались. Спасибо. Вы свободны.

- А вы нет! - рявкнул милиционер. - Документы показывайте. Начнем с этого лежащего больного. Давай паспорт. Так. Владимир Серков, москвич. Чем занимаетесь?

- Я путешествую.

- Бомж, что ли?

- Наверно, можно и так сказать.

- Теперь вы. Никита Горовой. Временная регистрация есть. Чем вы занимаетесь?

- У меня бизнес. Оседлый образ жизни в отличие от этого путешественника.

- Девушка, ваши документы. Евгения Оболенская. Студенческий билет имеется в отличие от некоторых. Музыкальное училище имени Гнесиных. И что же вы с

такими странными знакомыми здесь делаете?

– Я свидетель. Надеюсь, вы разберетесь в том, что произошло. Вот этот человек без всякой причины избил другого... путешественника. Я думаю, одного нужно задержать, а второго отправить в больницу.

– А вы не думаете поработать милиционером вместо меня? Думает она.

– Сержант, можно вас на минутку? – Никита отвел милиционера в сторону, жестом иллюзиониста провел по его карману, и они вернулись уже не чужими людьми.

– Ну что, – обратился милиционер к Жене. – Я могу вызвать «Скорую» для этого артиста. – Он ногой показал в сторону Вовки.

Тот сразу вскочил с земли.

– Не надо. Больницы мне не требуется. Я раз уже был в больнице. Били там еще хуже, чем этот хмырь.

– Как ты меня назвал? – двинулся вновь к нему Никита.

– Никак он вас не называл, – вмешалась Женя. – Он просто обобщил. И вообще – уезжайте вы отсюда. Я сама позабочусь о раненом.

Милиционер ушел, довольный собой и неожиданным гонораром, а Никита медлил, не сводя с Жени глаз.

– У меня другое предложение. Вместе отвезем этого кандидата в жмурики в больницу, а потом отметим наше странное и приятное знакомство.

– Вот и отмечайте. А у меня не было никаких приятных знакомств, и поэтому я просто отвезу больного человека к себе, перевяжу, дам лекарства, а потом доставлю его домой.

– Что за бред! Нет у него никакого дома, он же сам сказал. А к себе в квартиру такую копилку блох нельзя тащить.

– Мне надоело слушать ваши гадости. И времени нет. Пропустите нас.

Женя решительно потащила Вовку за рукав пальто к своему ярко-голубому «Фольксвагену»-«жуку» и помогла сесть на переднее сиденье. Никита долго смотрел им вслед. Затем достал маленький блокнотик и записал: Женя Оболенская, Гнесинка, Большая Черкизовская, «Фольксваген» №...

Когда машина Ирины остановилась у подъезда, из него вышли дочь Женя и престранный субъект, нелепо одетый, с такой походкой, как будто он идет в лыжах по тротуару, и с блестящим розовым лицом, которое, казалось, не меньше часа терли жесткой мочалкой. У Ирины от удивления приоткрылся рот, но она ни о чем не спросила, так поразило ее изумленное и восторженное сияние глаз Жениного спутника.

– Mamочка, – обрадовалась ей дочь. – Это Владимир Васильевич, мой знакомый. Понимаешь, один негодяй его ужасно избил. Я пригласила его к нам, перевязала руку, ногу, дала лекарства. Душ он принял. У него, знаешь, сложности с жильем.

– О!

– Нет, ты не поняла. Он идет сейчас к себе домой, то есть к друзьям. В общем, мама, это неважно. Я просто его проводила. До свидания, Владимир Васильевич. Звоните нам. Приходите иногда. Правда, мам?

– Конечно. До свидания. – Ирина посмотрела на гостя и почувствовала озноб. Человек всегда носит с собой образ своего пристанища – будь то дворец, комнатка в общежитии, нора в подвале, закуток на чердаке.

Ирина с дочерью вошли в квартиру, синхронно переоделись, дружно накрыли стол к ужину, изучили программу телевидения на вечер, отмечая то, что хотелось бы посмотреть. У них никогда и ни в чем не было разногласий. За ужином Женя была немного печальна и задумчива.

– Ты думаешь об этом бедняге? – спросила Ирина.

– И о нем. И о том, что в жизни больше грустного, чем хорошего.

- Думаешь, грустное не бывает хорошим?

- Бывает, - серьезно ответила Женя. - Оно может быть самым лучшим из всего...

Когда после ужина Ирина ушла в ванную, Женя позвонила. Ей ответил автоответчик. Она положила трубку, затем снова набрала тот же номер и сказала:

- Я всегда стесняюсь читать тебе свои стихи. А ведь это и есть мое к тебе отношение. Прочитаю-ка я их автоответчику. А он, если захочет, передаст их тебе.

Вся жизнь моя - сорвавшийся поток

Уносит мысль о чистом благородстве.

И вроде век уже не так жесток.

А что сердца? Замучены в сиротстве.

А если жить - не думать о себе?

И не жалеть о будущих невзгодах,

И раствориться полностью в судьбе

Осенних льдов на быстротечных водах?

Ну почему с тобою так тепло —

Прозрачным льдинкам хочется сорваться.

И только пальцы режу о стекло

Своей любви - смотреть и отражаться.

Ирина слушала, прислоняясь головой к полуоткрытой двери ванной. Еще ничего не случилось. Есть лишь слова, настроения, догадки. Но перемены совсем рядом, и она не попытается их предугадать. Она будет просто ждать и подчиняться.

* * *

Когда раздался звонок в дверь, Маша уронила на пол бутерброд с маслом. Она всегда вздрагивала от звонков в дверь и по телефону. Поэтому телефон вечером она чаще всего отключала. Она торопливо подняла хлеб, тщательно вытерла масло с пола, зачем-то вылила горячий чай и сполоснула стакан. Лишь после этого она на пальчиках подкралась к двери и посмотрела в глазок: совсем незнакомый, довольно молодой и, кажется, красивый мужчина. Маша задумалась. Лучше всего тихонечко отступить в комнату, закрыться и ждать, пока он уйдет. Может, он адресом ошибся, может, спросить о чем-то хочет. Маша не знала в лицо почти никого из соседей. Звонок прозвенел еще раз. Маша тихонько попятилась назад, к двери комнаты, но тут услышала спокойный голос:

– Откройте мне, пожалуйста, не нужно бояться. Я хотел бы задать вам пару вопросов. Если вы приоткроете дверь, я покажу вам свое удостоверение.

– А зачем оно мне, ваше удостоверение?

– Вы поймете, что я пришел к вам не случайно, и вам поговорить со мной необходимо не меньше, чем мне с вами.

– Но я ни о чем не собираюсь говорить. Да еще неизвестно с кем.

– Мы не сможем ничего решить через дверь. Только соседей заинтригуем. Ладно, раз вы такая осторожная... Я пришел по поводу Вадима Коркина. Продолжать?

Звякнула снимаемая цепочка, щелкнул открываемый замок. Сергей вошел в крошечную прихожую, заметил старые, выцветшие, местами оборванные обои, тусклые лампочки в светильниках. Ему хорошо была видна кухонька со старой газовой плитой, кастрюли с многолетней копотью и веревка под потолком, на которой сушились полихлорвиниловые пакеты. Историческая примета давно ушедших, но незабываемых времен. Пик экономного быта. Сергей с любопытством взглянул на хозяйку сих апартаментов. Лет сорока, очень худая, стриженная просто «на нет», с лицом, в котором не было ни красоты, ни уродства, – такие живут под куполом своей незаметности, что иногда дает им великие возможности.

– Мы будем разговаривать в прихожей? Или, может, где-нибудь присядем?

– А вы что, пришли для долгого разговора? Так у меня времени нет. И вообще, вы, видимо, меня с кем-то перепутали. Я пару раз виделась случайно с человеком, которого зовут Вадим Коркин, но ничего о нем не знаю.

– И все-таки пропустите меня хотя бы на кухню, я покурю, если вы не возражаете.

Маша пожала плечами, первой прошла на кухню, придвинула гостю табурет и поставила блюдечко на край стола. «Пепельниц у меня нет».

– Одна живете? – поинтересовался Сергей.

– Да, хотя это не ваше дело. А теперь объясните, пожалуйста, почему вы у меня ищете Вадима?

– А он у вас никогда не бывал?

– При чем здесь это? Что вам нужно? Бывал – не бывал... Да не помню я. Может, и заходил когда-то.

– Зачем заходил? Вы кто друг другу – любовники, приятели, партнеры по бизнесу? Какие у вас общие дела?

Маша впервые прямо и пытливо взглянула Сергею в глаза.

– Я полагаю, вы из милиции или адвокат жены Вадима. И вас интересует его завещание.

– Я частный детектив. И меня безумно интересует это завещание. Причем я такой не один.

– Вы что, никогда не слышали, что мужчины иногда хотят оставить состояние не жене, а другой женщине?

– Слышал, причем не раз и даже не два. Но всегда возникают вопросы. На одни можно ответить с ходу, на другие – нет. Почему он именно вам оставил большое

состояние? Если это, простите, любовь, то почему он так мало беспокоился о вашем благополучии до сих пор? Извините, но я уже узнал, сколько вы зарабатываете паспортисткой в ДЭЗе. Ровно столько, чтобы вести вот такой образ жизни. – Сергей неопределенным, но очень выразительным жестом обозначил жилище Марии. – Если бы у вас хотя бы эпизодически появлялась дополнительная сумма, все выглядело бы немного иначе.

– Как? – угрюмо усмехнулась Мария.

– Здесь были бы предметы, выходящие за рамки строжайшей целесообразности.

– Вы меня щадите. Здесь прежде всего была бы другая женщина, из тех, которым платят. Я не проституток имею в виду, а наоборот – женщину, представляющую ценность для мужчин.

– Насчет женской ценности мы могли бы поболтать в свободное время. Думаю, вы слишком комплексуете. Но в нашей ситуации времени в обрез, а вопросов море. Почему Вадим оставил вам дом и деньги? Может, вы оказали ему большую услугу? Может, он в чем-то перед вами виноват? Или вы подставное лицо? Мария, вам отныне придется отвечать на такое количество подобных вопросов, что вам захочется опять стать бедной. Дело в том, дорогая моя наследница, что Вадима Коркина больше нет. Я долго молчал тут всякую чушь, чтобы убедиться в том, что вам это неизвестно.

– В каком смысле его нет?

– Он мертв. И пришел он в это прискорбное состояние через несколько дней после того, как переписал на вас завещание.

Сергей замолчал, и на кухне стало холодно, жутко, беспросветно. Только странный звон разбивал тишину. Сергей и Мария одновременно посмотрели на посуду, затем на ее руки, лежащие на столе. Это они так дрожали, что чашки прыгали на блюдцах. Сергей взглянул на желтое, восковое, как у покойницы, лицо Марии, в ее глаза, устремленные в одну точку, быстро встал, поднял ее со стула и потряс за плечи.

– Его убили? – бесцветным голосом спросила она.

– Почему вы это спросили? Почему вы сразу решили, что его убили?

– Потому что только это, видимо, и могло с ним случиться. И со мной. Я имею в виду тот чертов шанс, который выпадает стольким людям, и ничего. А мой шанс обязательно должен был меня добить.

Сергей молча положил на стол визитку со своим телефоном. Надевая куртку в прихожей, он обратил внимание на ветровку, которую обычно носят подростки. Впрочем, Мария худая, у нее вполне может быть такая вещь. Скажем, по утрам бегают в ней вокруг дома.

Глава 7

– Если одни будут тут серить, а другие гадить, то ты, дочка, мети не мети, а жить нам все равно в этом сраче придется. Никуда от него не денешься.

– А если, к примеру, одни перестанут, как вы выражаетесь, серить, а другие прекратят гадить, что тогда будет? – Дина с веселым ожиданием смотрела на свою собеседницу в какой-то плащ-палатке, наброшенной на длинный халат с большими розами, которые мели землю не хуже Дининой метлы.

– Тогда ясно что, – завибрировала всеми своими отеками и морщинами цветастая дама, что, скорее всего, означало улыбку. – Тогда напьются и начнут всех подряд метелить.

– И часто у вас такие конфликты случаются?

– У нас никакие конфликты не случаются. У нас одно свинство и паскудство. Если бабе не сто лет, значит, она проститутка. Если мужик не под следствием, значит, только отсидел. Перемена у него. А недавно вообще одного тут грохнули. Незнамо кто, неизвестно за что. Вроде с девкой приходил во вторую квартиру. Девки след простыл, соседи ничего не слышали, не видели. Пьяные, конечно, были. Я б услышала. Я чутко сплю. От своего храпа иногда просыпаюсь.

– Интересно, – задумчиво протянула Дина.

– Еще как интересно. Ты вечерком ко мне зайди, в седьмую квартиру. Я тебе такого нараскажу про всех – ни в каком кино не увидишь. Только во время сериалов не приходи. Люблю я их. А к чаю я люблю пончики с ванильным кремом. Вон в том магазине за углом всегда есть. Тебя-то Дина зовут. Не еврейка, часом?

– А ты что, антисемитка?

– Да мне хоть кикимора болотная, лишь бы не гадила и бутылки не била. Так ты еврейка, правда?

– Да нет, хотя еврейские родственники имеются. Точнее, один.

– Да ты дура просто! Что ты тут с метелкой мудохаешься, если ваши все уже на пальмах сидят, мандарины финиками заедают. А денег у них...

– Сима, тебя далековато занесло. Я никак дорожку одну не подмету. Давай, иди смотри сериалы, а мы с Чарли и пончиками к тебе обязательно зайдем в гости.

– Ой, не могу! Чарли! Это вроде как Чарли Чаплин или принц английский? А с виду – чистая мочалка для стирания пыли.

Когда во дворе стало смеркаться и зажглись окна в некоторых квартирах, Чарли вдруг издал тоненький визг, который у него обозначал ликующий клич. Из машины появилась дама в лиловом лайковом пальто, украшенном лисьими рыжими и черно-бурыми хвостами. Она легко подхватила внушительного вида кожаную сумку, набитую явно продуктами питания, и поплыла к ним в темно-фиолетовых ботфортах с ручной вышивкой и на шпильках не менее пятнадцати сантиметров. Дину появление этой жар-птицы в их курятнике для выбраковки несушек растрогало до слез.

– Аленушка, – сказала она с придыханием, – мне хочется сейчас одного: встать на задние лапы и полизать твою замечательную морду лица. Что и пытается сделать за нас двоих Чарли. Ты только наклонись пониже: он все же в губы хочет тебя поцеловать, а не в пуговицу, которая наверняка не так давно была яйцом Фаберже.

Алена без минуты колебания подставила псу такое количество дорогой косметики, что мясо в тот день ему показалось недостойной едой. Дина тоже не оставила без внимания необычно яркий для Алены макияж.

- Ты на презентации была или на приеме?

- Да нет. В смысле второго мероприятия. У меня на эти глупости времени нет. Просто посветилась где надо, чтоб не забыли. И чтоб у некоторых от зависти судороги начались.

- Это разумно и гуманно.

- Нам бы из нашей презентации выйти живыми. Знаешь, я устала до смерти, но если бы не заехала к тебе, все равно бы всю ночь мучилась. Эта история с завещанием... В кино такие сюжеты одним убийством, как правило, не ограничиваются.

- Типун тебе на язык, - сердито сказала Дина. - В кино надо сюжет тянуть, зрителя держать, а у нас просто одна реальная ситуация, в которой, как говорил мой любимый эксперт Александр Васильевич, просто невозможно не разобраться.

* * *

Женя проснулась среди ночи от тяжести на сердце. Она зажгла бра над кроватью: три часа. Час волка, как говорит мама. Женя укоризненно взглянула на свой телефон, который ни разу не позвонил за весь вечер. Она подумала о том, что Артем просто не мог не сказать ей хотя бы пары слов, услышав ее стихи. Может, его до сих пор нет дома? А вдруг что-то случилось? Через несколько минут Женя уже поняла, что больше бездействовать не может. Как не может не воспользоваться самым простым в ее ситуации способом: разбудить маму и спросить, где сейчас Артем, что с ним. Ирина четко, раз и навсегда, изложила дочери принцип экстрасенса: никогда не пользоваться своим даром, когда дело касается себя и близких. Конечно, если бы Женя очень просила, плакала, мама не устояла бы. Но для этого пришлось бы слишком многое рассказать ей о необычном, слишком талантливом мальчике Артеме, сообщить множество деталей, после чего и она, и Артем могли бы стать марионетками

маминого могущества. И Жене приходится часто решать самой вопросы, которые любая другая девочка легко обсудила бы с обычной, может, менее умной и не настолько любящей мамой. Женя немного подумала и набрала номер мобильного Артема. Абонент оказался недоступен. Она вздохнула и набрала его домашний телефон. Он жил с мамой и бабушкой, мать сейчас в командировке в Америке, а бабушка наверняка не спит, если Артема нет дома. Жене ответили после второго гудка.

– Извините, пожалуйста, что так поздно, Адель Петровна. Это Женя говорит. Артем мне вечером не перезвонил, и я подумала... В общем, я беспокоюсь.

– Я тоже беспокоюсь, деточка, – произнесла бабушка Артема своим голосом королевы-инкогнито. – Хотя он предупредил, что поедет на дачу к одному приятелю. То есть поставил меня в известность из машины, в которой они туда ехали. Сказал, что его мобильник там принимать не будет. И чтобы я не беспокоилась, потому что на даче «крутая охрана». Именно эта терминология меня и обеспокоила.

– Я думаю, в смысле охраны там действительно все в порядке. Артем мне рассказывал об этом приятеле и о том, что у него дом в Малаховке.

– Вы знаете, куда и с кем Артем поехал?

– Просто могу предположить, судя по этой самой охране и времени развлечений. Тот парень, о котором я думаю, сын известного чиновника. Его фамилия...

– Ох нет, Женечка, только без этих их фамилий. Я все равно не отличу одного от другого, но появится изжога. Такая, знаете, неприятная и вездесущая публика. Думаю, девочка, нам ничего не остается, как дождаться утра. Я-то давно коротаю ночи кое-как. А вам лучше всего хорошенько выспаться. Я очень люблю своего внука, но не могу не поделиться с вами мудрым женским советом: самый лучший мужчина достоин лишь того внимания, которое женщина может позволить отобрать у себя.

– Большое спасибо, Адель Петровна. Вы, конечно, правы. Спокойной ночи.

Женя положила трубку, подошла к окну, посмотрела на безлюдную темную улицу, легла в постель, но свет не погасила. Она пролежала, глядя на часы, до

шести утра. Затем быстро встала, умылась, оделась и тихонько выскользнула из квартиры. Она быстро проехала кольцевую, свернула на идеальную по ширине и состоянию дорогу. Остановилась недалеко от первого поста. Поставила машину у обочины, вышла и достала пачку сигарет, которые курила лишь в тех случаях, когда не знала, что делать.

* * *

На виллу Алексея компания приехала в два часа ночи. Сразу врубили музыку на всех трех этажах, позвали сторожа, который включил подогрев в бассейне, подготовил сауну, две кухарки накрыли столы в разных местах. Дашка первой сбросила с себя всю одежду и полчаса плескалась одна в бассейне, как русалка. Когда Алексей заставил себя преодолеть водобоязнь, подплыл и попытался ее обнять в воде, она крепко к нему прижалась, прикусила ухо и прошептала: «Подожди. Я сама себя так заведу, так наэлектризуюсь, что ты потом спасибо скажешь. Очень я воду люблю». Алексей не без удовольствия вернулся на сушу, закутался в белый пушистый халат и сел на ковер у камина в гостиной, где одиноко и независимо сидел Артем с бокалом белого вина и гроздью крупного розового винограда.

– А где Ксюшка? – поинтересовался Алексей.

– Она в сауне.

– А ты чего не пошел?

– Я не хочу в сауну.

– Хрен с ней, с сауной. Ксюшку ты хочешь или нет, я не пойму?

– Знаешь, я тоже не пойму. Скорее нет, чем да.

– Тогда за каким же... мы ее сюда притащили? Она мне тоже нужна разве что под особым соусом. – Алексей нетрезво рассмеялся. – А Инна говорит, что пока сама себя в воде не заведет, ей мужик не требуется. Набрали бабцов. Ассорти, мать их. Косячок хочешь?

– Можно.

После нескольких затяжек марихуаной Артем блаженно откинулся на спинку большого мягкого кресла, улыбнулся и сказал:

– Знаешь, я не сплю, а сон мне снится. Лето, горячая скала, и белая собака выходит из моря....

Алексей разочарованно смотрел, как бесповоротно засыпает его спутник по сегодняшней ночи. Да и чего от него ждать-то можно было. Парень совсем из другой песочницы. Сын каких-то биологов. Никакого вкуса к удовольствиям. С ним даже не потрендишь толком. И дело не в том, что Артем – молчун. А в том, что неохота в его присутствии брякнуть чего-нибудь от балды, а потом этот чувак за дебила тебя держать станет. Еще и внимания не удостоит. А он просто гений – всего и делов. Он всей блатной детворе от восемнадцати и выше любую курсовую, диплом и даже диссертацию за пару ночей слепит. Сунет в карман сотен пять баксов и посмотрит на представителя «золотой» молодежи, как на прошлогоднее дерьмо. Нарвется он когда-нибудь, этот принц Датский. Настучат ему по его продвинутой голове. Это была запрограммированная стадия Лешиного опьянения. Агрессия. Если бы он приехал сюда не с Артемом, без драки дело бы не обошлось. Алексей тупо соображал. Лезть опять в бассейн к этой полоумной не хотелось. Он подождет, пока она обсохнет. Остается Ксюха, распаренная в сауне.

Ксения лежала на массажном столе, голая и потная. Она спала, из открытого рта на подбородок и шею текли слюни. Алексей взял полотенце и вытер ей лицо. Затем уставился на нее в ожидании зова плоти. Плоть оставалась безответной. А кого заведет такая доска неструганая? – нашел он себе оправдание и занялся мастурбацией. Он добился неплохих результатов и полез на массажный стол. Ксюша закрутила головой, пытаясь языком вытолкнуть изо рта его член.

– Ты что, трахнулся совсем? – проснулась она окончательно. – Я ж так задохнуться могла.

– Подумаешь, – пробормотал он. – Раньше что-то не задышалась.

– Не-а. Я так не хочу. Меня стошнит.

Алексей даже вздрогнул от оскорбления, которого он втайне жаждал.

– Ах ты, дешевка! Подстилка! Стошнит ее тут. Развалилась как дама – «я еще никому не давала» – и горбатого лепит. А ну давай, открывай пасть и работай, сука чертова.

Он яростно, двумя руками вцепился ей в волосы и сам не понимал, насилует он кого-то или его заставляют мучить собственную плоть. Тела девушки под собой он просто не чувствовал. А язык ее очень ему мешал, и он проталкивал его ей в горло. Ему казалось, что он никогда не сможет кончить. Но плоть наконец взорвалась, и сперма залила лицо Ксении, которое оказалось почему-то уже не на столе, а запрокинутым за его край. Алексей увидел только белки глаз. Зрачки закатились за веки. Он вскочил, а девушка не шевельнулась, не подняла головы, не закрыла рта, из которого текли белые струйки.

Сторож Кирилл, сонный и пьяный, смотрел порнофильм на видео в своей комнате. Явление голого и дрожащего Алексея сначала показалось ему забавным. Тот бормотал что-то нечленораздельное и куда-то его звал.

– Ну, и че ты сказать хочешь? Эк, мать твою, тебя разобрало, – произнес Кирилл, как ему самому показалось, четко и разумно.

Ответа он не дождался. Алексей лишь мычал и куда-то показывал, дергая Кирилла за рукав. Тот собрался с силами, и они пошли в сауну. У входа Алексея забила уже не дрожь, а какая-то падучая.

– Вы там что, наркоты обожрались? – предположил Кирилл.

Алексей молча кивнул ему на массажный стол, на котором лежала девушка. Даже спяну Кирилл понял, что она не спит. Он даже не подумал, что она без сознания. Он служил в спецназе, был в Чечне и видел девушек, принявших такую или похожую смерть. Он протрезвел и тряхнул невменяемого хозяина, как котенка, вытащенного из колодца.

– Ты доигрался, мудака! С ней все, ты понял? Конец!

– Что все? Вызови «Скорую помощь». Нет, лучше позвони нашему врачу. Что ты стоишь? Делай же что-нибудь!

– Ты все уже сделал, придурок! Она мертвая. Окочурилась. Кончилась. Ты убил ее, если называть вещи своими именами.

– Что же нам делать?

– Нам? Сказал бы я тебе, только смысла уже нет в этом. Ты давай, прикрой чем-то свои прелести. Только сначала подожди, я тебе человеческий вид попробую вернуть.

Кирилл достал из аптечки пузырек с нашатырным спиртом, щедро плеснул в стакан и долил минералки из холодильника. Затем влил смесь в рот Алексея. Изучающе посмотрел в обезумевшие от страха глаза, на посеревшие, сразу ввалившиеся щеки, на вздувшиеся вены на длинной шее и с размаху врезал ему по челюсти. Алексей слизал кровь с разбитой губы, и его взгляд стал более осмысленным.

– Я пошел одеваться, да? – подобострастно спросил он у Кирилла. – А потом что?

– Там, как я понимаю, еще одна девка, надеюсь, живая, и парень. Отвлеки их. Я с хозяином по телефону посоветуюсь. Думаю, дальше все будет без тебя.

У камина обнаженная Даша безмятежно спала на груди Артема, которого ей не удалось ни толком разбудить, ни хоть чуточку соблазнить. Она проснулась от того, что рядом со столом вдруг появился полностью одетый Алексей и быстро схватил зазвонивший телефон.

– Да, папа. Да. Я сделаю все, как Кирилл говорит. Да. Сейчас позвоню.

Он набрал номер.

– Никита? Это Алексей Ветров. Слушай, возникла идея, я подумал, быстро только ты сможешь это устроить. Девушку ко мне на дачу не подбросишь на пару часиков? Ну, какую. Сам понимаешь. Короче, любую. Просто комбинация одна расстроилась. Сколько тебе времени на поиски девки нужно? Нисколько?

Молодец. Тогда тебе сейчас позвонит водитель, скажи ему адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/zakat-cveta-indigo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)